

ВЕРОНИКА ГОРБАЧЕВА

Булочка
с изюминкой

18+

Вероника Вячеславовна Горбачева

Булочка с изюминкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470326

SelfPub; 2018

Аннотация

Варвара Павловна вроде бы и не завидовала героем-попаданцам, но втайне от взрослой дочери до сих пор читала книги в ярких обложках и витала в облаках, мечтая хоть что-то изменить в привычной жизни. И вдруг, как снег на голову, на её маленькую семью посыпались события дивные и невероятные. Но, увы, чудеса предназначены не Варе, а её дочке! Это перед ней открыт портал в неведомый мир, это её ждёт любящий принц, и манят чудеса, и ждёт светлое грядущее... А что же остаётся маме? Всеми силами цепких дамских ручек она хватается за уникальную возможность. Ибо другого шанса не будет

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	70
Глава 9	77
Глава 10	85
Глава 11	92
Глава 12	100
Глава 13	112
Глава 14	117
Глава 15	124
Глава 16	131
Глава 17	139
Глава 18	146
Глава 19	155
Глава 20	163
Глава 21	173
Глава 22	182

При оформлении книги использована обложка от Татьяны Михаль,

<https://vk.com/tatianamikhal>

Пролог

Факты – вещь упрямая. Во всех книгах, триллерах и комиксах они безжалостны: такие лопухи, как Варвара, всегда погибают первыми. Бесславно. Впрочем, не бессмысленно, а как раз с пользой, расчищая Героям столбовую дорогу к их Героической Цели.

А уж те дойдут, будьте уверены. Закон жанра!

Что же касается прочих, не попавших в Избранные, а именно: слабых и толстых, задохликов или просто ботаников, неприспособленных к жизни, обывателей, безымянных клерков и менеджеров, рабочих, рядовых полицейских и пожарников – одним словом, тех, кому уготовлена роль статистов – вот им-то и достаётся самое неприглядное. Они непременно падают в шахту крякнувшего лифта, просто потому что кому-то нужно туда упасть. Они сжираются тупыми или поумневшими в результате экспериментов акулами, успешно отвлекая внимание страшных челюстей от длинноногих блондинок в гидрокостюмах или в нескромных купальниках, и те (блондинки!) за это время успевают развить олимпийскую скорость и попасть на спасательный борт, прямо в руки мужественным красавцам. Кто ж виноват, что некоторые дуры-статистки плавают только на надувных матрасах, а в свободной воде трепыхаются разве что по-собачьи, со скоро-

стью метр в минуту! Сами виноваты. Надо было с молодых ногтей и первого маникюра себя холить и готовить к заплывам, а не торчать у плиты день-деньской.

Несчастный статист-не-избранный непременно угодит под шальную пулю террориста или охотника, да что там пулю – просто под рикошет, поскольку представляет слишком крупную мишень, да к тому же, как большинство обывателей после сорока, малость неуклюж и неповоротлив: в такого грех не попасть.

Статист обязательно выпадет из окна горящего небоскрёба, красиво крича и дрыгая ногами в полёте, заставляя невольных свидетелей хвататься за телефоны и содрогаться от сладкого ужаса и пароксизмов удовольствия: не я! Не со мной! А счастливчики, отмеченные великим сценаристом по имени Судьба, прорвавшись через задымление на крышу, в последние секунды успеют на вертолёт.

Это статистам на Титанике не хватило шлюпок; вот ещё одно подтверждение, что история несправедливостей началась не вчера и не позавчера...

А в упавших самолётах они обязательно занимают тот ряд, что затем полностью выкашивается смертью. Фотогеничные же и позитивные Герои благополучно уцелеют и дождутся спасателей.

В общем, отчего-то Сценарист решил, что надо кому-то побыть и расходным материалом. Чтобы главные персонажи выжили и беззаботно занимались любовью под шум прибоя,

проводили романтические ночи, катались на собственных яхтах, сволочи... и ловили, ловили приключения на свои оттопыренные задницы, и играли в шпионские игры, и спасали мир, не задумываясь об оставленных позади попутных жертвах.

Поэтому, когда на Варвару Павловну, даму постбальзаковского возраста, налитую, крепкую, но беспечную, а оттого пренебрегающую тренировками и усиленным бегом с препятствиями, да и просто Здоровым Образом Жизни... Ф-фух... Ужасно выматывают эти длинные фразы. Так вот, когда на эту особу, со всех сторон приятную, но, увы, обыкновенную – уставилась змеиная пасть величиной с автобус, преградив вход к спасительной двери квартиры – Варя поняла: всё. Капец.

Потому, что такие, как она, не выживают.

Часть 1

Глава 1

Была она женщина одинокая, но, к счастью, не дева, и ещё не старая – так, за сорок с хвостиком. Хоть брак её продолжался недолго, но оставил после себя светлую память вместе с незабываемым, хоть и потускневшим со временем образом красавца Илюши, старшего лейтенанта, сложившего буйную голову при выполнении непонятого «интернационального долга» в далёкой пустынно-гористой стране. Её название в памяти Варвары теперь навсегда ассоциировалось с запаянным свинцовым гробом, солдатской «пирамидкой» на могиле, заменённой позже на надгробье и православный крест, и почему-то – с окурками, то одиночным, то двумя-тремя, время от времени появляющимися в гранитной складке между гробничкой и поставленной вертикально мраморной плитой с фотографией. На которую, впрочем, Варя смотрела редко. Поначалу – чтобы не вспоминать о двух годах тревожного счастья, не травить душу; а потом... ради избегания расстройств тонкой нежной психики. Ибо лет после тридцати пяти – её лет! – слишком заметно стало, что Илюша-то по-прежнему молодой, а вот она...

Рядом с могилой мужа немного погода вспухли ещё два

холма, прикрывшись потом, как и положено, такими же мраморными плитами – то отошли в мир иной бывшие свёкор со свекрухой, которая до последнего, злобно шипя что-то о язычестве и хулиганстве, сметала с сыновьей плиты окурки. Варя молчала, понимая, что не «бычки» вызывают свекрухин гнев, а то, что бывшие однополчане сына здравствуют себе, заматерели, достигли высот, некоторые уже и внуков дождались, но, главное – живы...

Они приходили – хоть с каждым годом состав их редел, в молчании распивали боевые сто грамм, плескали Илье, как и положено, гранёную стопку и прикрывали куском чёрного солдатского хлеба. Выкуривали по сигарете – а одну раскуривали специально для него. И оставляли дотлевать.

Были среди них и те, кто до сих пор со скрытой симпатией поглядывал на молодую ещё вдову, крепкую, ладную, в теле – и одобрительно кивал. Надо же, мол, так замуж и не вышла. Помнит своего Илюху, раз до сих пор ни на кого не променяла... Ну, да, сволочи мы, мужики, правду бабы про нас говорят, сволочи и козлы, а всё же – приятно, когда товарищу память хранят. Конечно, женщина она свободная, и никто не осудит, ежели хоть не замуж, но этого... как его... бойфренда заведёт. А она – крепится. А ведь молодой-то, такой ладной, поди, тяжело.

Бывало, и подкатывали под бочок. Однако морального пенделя, полученного от вдовы, хватало, чтобы больше не нарываться.

Нет уж, заявляла Варюха таким смелым. Одна у попа жёнка, один у попады муж. С меня хватит. Нажилась.

И только самая закадычная подруга, соседка Галочка, знала, что не просто так после похорон Ильи забирали молодую вдову на «Скорой» в больницу. Отрожалась Варька, навсегда. Теперь, хоть каким вывертом стань, детей уже не будет. А потому – и год прошёл, и три, и пять – о замужестве не думала. Ни к чему. Врать будущему возможному мужу не хотела, а без детей семьи не видела. Вот и отшучивалась да ухажёров разгоняла. Которых с каждым годом становилось всё меньше.

А после и вовсе куда-то все подевались...

И вот однажды, спохватившись, заметила Варенька, Варюха-Горюха, Вар-вар-вар-вара Пална – как только её не называли! – на своём заветном женском календаре циферку роковую, и, наверное, для многих страшную: сорок.

Повздыхала с Галкой на тайной вечеринке – большой праздник собиралась закатить через день, на выходной, а сороковник-то ей стукнул аккурат в четверг, не сдёргивать же людей на гулянку в рабочую неделю! Вот с подругой-соседкой и попили коньячку, заодно и всплакнули, как на поминках: у той тоже роковая дата на подходе. Перебрали все фильмы с подходящими цитатами, начиная с сакраментального: «В сорок лет жизнь только начинается!» и решили теперь ко всему в свои оставшиеся года относиться легче и с юмором. Благо у них этого самого юмора хоть завались,

нерасходованного, хоть ушами ешь, слишком уж часто они хмурятся в последнее время. А от этого морщин на лице больше, так что – улыбаемся, девочки, занимаемся профилактикой!

«Улыбаемся и машем!» – довольно добавила Светик, Галкина доча, забежавшая на кухню за пирогом и услышавшая обрывок последней фразы.

Бабоньки и ей коньячку едва не плеснули, за компанию, потом спохватились, что дитёнок всё же. Отломил кусок пирога – и доче, и гостящим подружкам, налили чаю и согласились: улыбаемся и машем!

А потому – отсутствие личной жизни Варвара, нынче Павловна, за недостаток не считала. Напротив. Никто у неё в квартире не скандалил, напившись первого и пятнадцатого числа, как у Петровых с первого этажа, и не гнал бражку, как у Варлей на третьем, и не растил тайком коноплю, как отпрыски Штернов на четвёртом. И не мешал ей после долгого трудового дня залечь спокойно с ноутбуком на диван, почитать очередной дамский роман или сразиться в новую версию «Титанов», повисеть на телефоне и плюнуть на еженедельную уборку, или, к примеру, бросить надоевшую дачу и для души выращивать не какие-то там цветочки, а плющи и лианы, которые, по многоголосому утверждению соседа, притягивали в дом сплошные несчастья. Несмотря на все заверения, что у неё, Варвары, всё ОК, бабы не верили: без мужика разве ОК? Будешь ты, Варюха, на старости лет,

как Петровна с пятого этажа, обростёшь кошками и грязью. А у нас, мужички хоть завалященькие хоть плохонькие – да свои.

Она смеялась, разгоняла сплетниц и не держала зла. Долго сердиться не могла – в силу лёгкости характера.

Только иногда...

Нет, в подушку не ревела, как некоторые. Но случалось, что природа всё же брала своё – и снились тогда Варваре Палне сны странные, экзотичные и эротичные, полные неги и томления. Где её крепкое, полное да налитое тело ласкал не Илюша, нет, ибо мысленно давно она его отпустила, чтобы душеньку не томить, пусть ей на небесах счастье будет, что ж её притягивать-то на грешную землю! А приходил к прежней, молодой и смешливой Вареньке кто-то другой, ни на кого не похожий, хоть отчего-то она так и не могла потом вспомнить его лица. Ласкал бесстыдно, жадно, и всё не мог насытиться, до сладкого томления, до томной сладости, до взрыва чувств... Вот тогда она просыпалась с неистово бьющимся сердцем, ловила себя на том, что повторяет чьё-то имя – чьё? – и плачет сладко, и улыбается...

Но после злополучного юбилея волшебные сны пропали. Как отрезало.

И осталась Варвара... нет, не одинокой, но взрослой самодостаточной женщиной, что при необходимости и коня остановит, и в хату горящую... Впрочем, про пожары при ней лучше было не упоминать. До сих пор после Галкиной смер-

ти она не то, что слушать – думать не могла о кострах, печах, и всём, с ними связанном. Галка, здоровая крепкая баба, за всю жизнь ни разу не чихнувшая, угорела на даче, забыв после суматошного переезда открыть выюшку. Светку, дочь, откачали, к превеликому счастью. Варвара оформила опеку – благо, были они со Светланкиной матерью не только подруги, но и дальние родственницы – и теперь ей стало не до экзотических и эротических. Посыпались ГИА, ЕГЭ, выпускные, поступление каким-то чудом в Строгановку, устройство дочки в общагу... и вот она снова оказалась одна.

А уже сорок пять. Слава богу, жизнь, наконец, только началась! Ягодный возраст!

А уже ничего не хочется...

Дождаться бы Светкиных детишек – вот, считай, и внуки...

Вот только вольнолюбивая и современная девица-студентка открытым текстом заявила, что ближайшие десять лет посвятит Высокому Искусству. Ага, и только ему. А служение Музам и пелёнки – две вещи несовместные. Ну и флаг в руки. Привычно поискав светлые стороны, Варвара постановила: значит, старость и звание бабушки откладываются.

Жаль только, что жизнь всё идёт, года отщёлкиваются, как лёгкие костяшки на старинных счётах – а сбылось в ней не слишком много. Нынешние детишки мечтают о Хогвартсе – а маленькая Варюха во времена оны думала о Волшебной

стране и летающем домике. Но как-то не сложилось – ни с волшебными серебряными туфельками, ни с путешествиями через пустыню, ни с колдуньями-великаншами. Самое интересное проходило мимо, случаясь не с ней. Потому, на пятом десятке жизни, Варвара Пална и вывела такое неутешительное правило: где бы там не бродили приключения – они придут не к статистам, не к расходному материалу. На её долю остаётся лишь...

Оттого-то, когда, зайдя в подъезд и машинально гремя связкой ключей, уже почти поднявшись на третий этаж, слышала громкий шорох и шипение, и в лицо пахнуло диким первобытно-кровавым запахом – она подняла глаза и...

Поняла, что вот он – конец жизни.

Ибо, вознеся громадную голову на высоту человеческого роста – а в раззявленную пасть могла запросто поместиться половина Варвары – сверкая жуткими клыками с повисшими на кончиках каплями яда, на неё шипела громадная змеища.

Варвара Пална вдруг в подробностях представила, как та сейчас подастся вперёд – и *наденется* на неё головой, потом рывком продвинется ещё, и ещё, заталкивая её, Варвару, *добычу*, в пищевод целиком – должно быть, к тому времени уже парализованную ядом... А она, хоть и недвижимая, но будет всё осознавать, чувствовать обжигающую пищеводную слизь, задыхаться от страха и недостатка воздуха, корчиться в спазмах и умирать, умирать...

Потому что такие тетёхи, как она, не выживают.

И вряд ли судьба припасла для Варвары какого-нибудь
Конана-варвара.

Глава 2

Главное дело, что ей и пресловутого укуса не понадобилось: как застыла с занесённой над площадкой ногой, так к месту и приросла. Будто космонавт с намагниченными подошвами. И ни охнуть, ни вздохнуть – воздух твёрдым комом застрял в лёгких... Паралич. Бери и жуй.

И тут змея... нет, Змея, с большой буквы, не иначе, ведь, похоже, громадное туловище тянулось по лестничным пролётам до самого чердака, не меньше... Так вот: заговорила.

– С-с-смертная... Такая жш-ш-ше дрожш-ш-шущая тварь, как вс-с-се двуногие...

Варваре удалось выдохнуть, а вдохнуть – никак.

– С-с-собственно, ты мне не нужш-ш-шна. Где твоя дочь? Что?

Дочь? Светка, что ли? Ах, ты ж... образина! За ребёнком охотишься

Со всхлипом втянув воздух, Варвара Пална отмерла. И сама зашипела... ну почти как Змея. Правильно, а что терять-то?

– Тебе что до неё? Пшла прочь! Ползи отсюда, кому говорю!

В общем, заорала, как базарная торговка. Никакого почтения к... только сейчас замеченному на рептилии золотому

венцу, украшенному сверкающими камнями. Даже ножкой на неё притопнула, даже руки в боки упёрла.

Змея мелко затряслась – должно быть, от хохота.

– Расх-х-храбрилась, с-с-смотри-ка... Ты жш-ш-ше ей не родная мать, что ж заступаеш-ш-шься? А ты интерес-с-сная...

Огромные, с фары «Камаза» жёлтые глазищи с вертикальными зрачками вспыхнули.

– Не ожш-ш-шидала... Пожш-ш-шалуй, ты мне больш-ш-ше подходиш-ш-шь.

Когда до отупевшей от страха Варвары дошёл смысл сказанного, она шарахнулась назад, что оказалось весьма опрометчиво, ибо за спиной разверзлась пустота лестничного пролёта. Но тотчас нечто длинное, гибкое и сильное стремительно захлестнуло её поперёк тела, не давая сверзиться вниз.

– Примитивная рас-с-са, вс-с-сё на инс-с-стинктах... – вроде бы даже с укоризной пробормотала Змея, уменьшившись до размера крупного питона. Самое странное, что венец на голове при этом масштабно съёжился, как вторая кожа, не потеряв перелива разноцветных камней в свете люминесцентной подъездной лампы. – Впрочем, за с-с-столько поколений кровь с-с-сильно разс-с-сбавилась... Но что-то ещё ес-с-сть, ес-с-сть. Что ж, благос-с-словляю.

– Отстань... – только и смогла с трудом пробормотать её жертва, тщетно пытаясь трепыхнуться. Тугое кольцо, обвив-

шее предплечья, внезапно ослабло и соскользнуло вниз. Охнув, Варвара пошатнулась, схватилась за перила...

Запястье обожгло болью. Отпрянула и метнулась куда-то в сторону маленькая белая змейка с крошечным венцом на голове, ударила хвостом – и растаяла в воздухе. А может, и уползла куда-то, стерва такая, и Варваре только показалось, будто она словно растворилась в сумраке... Не до того ей стало. Она в ужасе таращилась на две дырочки с проступившими капельками крови на онемевшей руке, глотала воздух, как рыба фугу и паниковала, паниковала... Всё-таки грызнула, сволочь. Но лучше так, лучше меня, чем Светку...

Единственный раз в жизни она падала в обморок – когда по молодости и от возрастного пофигизма поддалась на уговоры сослуживиц стать донором и пошла сдавать кровь. И сейчас живо вспомнила то состояние – когда, вслед за охватившей слабостью, перед глазами замелькали огненные искры, и круг зрения отчего-то стремительно сузился, будто падала Варвара спиной в нескончаемый тоннель. «Врёшь!» – отчаянно вскрикнула она теперь, и мысленно залепила себе оплеуху. «Нельзя умирать, держись!» Кое-как, цепляясь за прутья перил, сползла на ступени и усиленно задышала, помня, что при дурноте главное – кислород, хотя, какой, к шутам, свежий воздух в прокуренном подъезде...

Но помогло.

Но в добрый час Петровна, соседка с пятого этажа, как раз высунулась за газетой, пошла вниз, к почтовым ящикам – и

наткнулась на Варюху. Кто бы мог ожидать сердобольности от злоющей бабки? Но только, поняв обстановку по-своему, она цыкнула-прикрикнула, чтобы Варька-дура не смела очучиваться, помогла сесть, не заваливаясь, несильно нахлопала по щекам да сунула под язык несколько каких-то желатиновых горошин. Молодец, баба Катя, никаких тебе сантиментов и причитаний, всё по делу. Как её саму, порой, на улице спасали от приступов, так и она сейчас... Стукнула в двери соседям, вызвали «Скорую», та – вот поразительно! – примчалась почти сразу: повезло, бригада возвращалась с вызова, оказалась рядом. Варваре смирели давление и с ходу определили гипертонический криз.

– Так и до инсульта недалеко, – хладнокровно сообщила медсестра, сматывая резиновые трубки тонометра – а Варя вдруг содрогнулась, увидев вместо них два гибких змеящихся тела. – Худеть надо, милая! Ты уж выбирай, либо красота, либо здоровье!

– А меня тут... а как же... – пролепетала Варя. И бестолково потрясла рукой. – Укусили, вот...

И замолчала. Потому что запястье было абсолютно чистым и гладким.

– Ой, что-то я не то говорю...

Медсестра посмотрела внимательно;

– В глазах не двоится? Не плывёт? Звуков посторонних не слышишь?

– Слышала недавно, – убито призналась жертва криза. –

И видела... разное, точно уж постороннее. Что, теперь сразу в дурку, да?

– Будет тебе, – смягчилась сестра. – Сейчас вколю магнезию, отлежишься – и всё пройдёт. Не думай лишнего, с таким давлением чего только не привидится... Больничный оформлять? Или всё так же на работе будем гореть? По-хорошему, неделю-другую вообще надо отлежаться и проколоться.

– Господи, твоя воля, какое счастье! – с чувством сказала пациентка. – Конечно, оформлять! На всю неделю!

Кошмар на лестнице оборачивался всего лишь кошмаром, а в реальности распахнула объятия долгожданная постель с недвусмысленным намёком, что пора, наконец, отоспаться после очередной годовой отчётности, или, как нынче помодному выражается молодежь – *дедлайна*. Не было бы счастья, так несчастье помогло. Гори она синим пламенем, эта работа с её трудовыми подвигами, а ей ещё пожить хочется!

Вздрогнула и зашипела, словив ягодицей иглу.

– А как ты думала? – философски заметила медсестра. – Заболеть легко, лечиться не сладко. Тебе, считай, ещё повезло, что бабулька с нитроглицерином подвернулась, а то неизвестно, лежала бы ты здесь или в реанимации. Радуйся, мать!

– Я радуюсь! – послушно отозвалась Варвара.

Получив наставление лежать, не поднимая головы, полчаса, не меньше, «а то магнезия не подействует», вяло поблагодарила – и, едва дождавшись ухода медиков и бабы Кати,

приткнувшейся рядом с ней на диван сумочку, добралась до мобильного.

– Светик, солнышко, ты в порядке?

– Мам Варь, привет! Да всё ОК, – зашипела приёмная дочура. – Прости, я на лекции, случилось что?

– Перезвоню! Прости! – так же шёпотом отозвалась Варя. И с облегчением сбросила вызов. Всё в порядке. Глюки остаются глюками. Доча в Москве, никуда не девалась, вечером она ей перезвонит – и ещё раз убедится, что с её солнышком всё хорошо...

Всю ночь Варвару крутило, тошнило, выворачивало желчью так, что она не единожды пожалела, что её давеча не сожрали. Пожалуй, *так* помереть было бы легче. И быстрее.

Но ничего, она ж баба крепкая. Отпустило таки. И легчало, наконец...

Через три дня, досрочно сдав сессию, примчалась из Москвы Светка, и принялась хлопотать над матерью бестолково, но приятно. Гадкий криз не выдержал такого к себе обращения и, наконец, сдался. А дочь жалась-мялась, да ещё исподтишка бросала на мать такие виноватые взгляды, что та поняла: неспроста! И, улучив момент, прижала девушку-студентку к стенке, требуя ответа. Та и выдала, наконец, что беременна.

Вот так всегда. Самое интересное случилось, конечно, не с Варварой...

Глава 3

Незаметное подкрадывание к новости началось с безобидного разговора: Варвара Павловна, вспомнив за утренним чаем с домашними пышками о материнских обязанностях, затребовала у дитятки зачётку – полюбоваться. Ибо знала: будет чем. Она и в школьные-то годы Светкин дневник просматривала раз в четверть – похвалить; и всё плечами пожимала на недоумение соседок по партам на родительских собраниях: сколько же вы, уважаемая Вар-вар-вара, высиживаете со своей девочкой за уроками? Наверное, ночей не спите, ведь какая умница растёт, будущая медалистка! И всё не могли поверить, что нисколько она с ней не сидит. Девка сама по себе умная да ответственная, просто хвалить её надо, не переставая, тогда и горы свернёт. Так ведь эгоисткой вырастет, говорили ей в ответ и пожимали плечами. И ехидно улыбались: или врёт мамаша, или... Посмотрим, посмотрим.

Ничего, никакой эгоисткой Светка не выросла. Потому что ни минуты свободной не оставалось для праздности. Если не поступало от матери «наряда» по хозяйству – сидела за своим мольбертом или скетчбуком, а последний год – за графическим планшетом. Хотя Варвара зарабатывала и не густо – но на дочкину страсть к рисованию денежку не жалела. Кто знает, может, это и есть её будущее, да ещё благополучное.

Поэтому, когда сегодня дочь, снисходительно покивав на её восторги над «отл.» и высшими баллами в зачётке, неожиданно протянула:

– А вообще, мам Варь, я тут подумала: ну её, эту Строгановку!

...она чуть с кухонной табуретки не упала.

Чтобы дитё, даже во сне пальчиками шевелящее, будто карандашиком что-то там выписывает, и так ляпнуло!

– Доча, а что случилось-то? – спросила осторожно. – Ты давай, не бойся, выкладывай, как есть, мне уже можно. Обойдёмся без «Скорой». Давай, давай, не стесняйся. Влюбилась, что ли?

Светка помялась-помялась...

А Варвара заранее похолодела. Разом нахлынула сотня страхов, не меньше. Господи, только не это! И не то, спаси и сохрани!

– Мам Варь, я... это... беременна, в общем. На третьем месяце уже... – Дочь опустила глаза. – Наверное, придётся академку брать. Или уходить, смотря как дело пойдёт. Не ругайся, мам, я знаю, на первом курсе рожать – ужасно, но мы уж как-нибудь...

– Слава те, Господи, – с облегчением выдохнула Варюха, прервав её бляенье. – И всего-то? Я уж думала – онкология, она сейчас и молодых косит. Или в долги залезла, или шантажирует кто... А с этой-то бедой справимся! Хоть мне и неохота в сорок пять бабкой становиться – ничего, привык-

ну.

Светка похлопала ресницами в полном обалдении.

– Мам Варь, ты что, серьёзно? И не... Ругаться не будешь?

– Дурочка, – ласково ответила Варвара. – Радоваться надо. И за тебя, и за меня, заодно; раз уж по молодости не довелось с малышом повозиться, я на твоём своё доберу... А хахаль, или бойфренд, по-нынешнему, жениться-то не собирается? Он хоть знает о ребёнке-то?

И тут дочь её добила.

Выдохнув, как перед прыжком в воду, она выдала:

– Знает, мам Варь. Мы, вообще-то, уже месяц как женаты. Так получилось, прости. Сказать боялась.

«Ну, времена...»

Варвара Пална почувствовала себя старой больной женщиной, измученной жизнью и воспоминаниями и ничегошеньки не смыслящей в нынешних нравах. Подумать только, раньше матерям боялись в «залёте» признаться, а нынче не решаются мужа домой привести! Дожили.

– Вот, смотри, обручальное...

Дочь вытянула руку. На безымянном – как и положено! – пальце сверкало чересчур чистыми и крупными феанитами колечко в изысканной оправе, стилизованной под старину. Впрочем, приглядевшись, Варвара усомнилась: стилизованное ли? А ведь самое настоящее старинное, отливающее тусклой краснотой червонного золота. У Вари в шкатулке сохранился пра-пра-прабабкин венчальный перстень, красоты

необыкновенной, с далёких времён, и даже в чёрные времена не подымалась рука продать этукую диковинку и память забытых предков...

Да и камушки в Светкином колечке при близком рассмотрении показались явно не искусственными.

– С кем связалась? – сурово затребовала мать.

Но по блаженной улыбке, расцветшей на личике приёмной дочери, поняла: лучше язык попридержать. В женихе... то есть, уже в муже она, похоже, души не чает, и заподозри его в чём-то – воспримет в штыки. А Варюха ещё не враг сама себе, и ребёнка против себя настраивать не желает. Пусть сама всё расскажет, а там – разберёмся.

Вот Светка и рассказала. Причём такое, что впору опять за нитроглицерин хвататься.

Наплела она совершенно сказочную историю. Что повстречался ей чудесный (кто бы сомневался!) принц, который и впрямь оказался принцем, только не известного европейского государства, а какого-то дальнего, совсем уж зарубежного, где строй конституционно-монархический, и где до сих пор благополучно живут и властвуют всякие там бароны, герцоги, князья и графы. Ну, и, разумеется, короли, ибо тогда откуда взяться принцам, да ещё наследным? Правда, Сигизмунд (вот ещё имечко-то!), даром что принц, оказался не сноб, а простой мужественный парень, настоящий рыцарь, красивый, как античная статуя... (Ну конечно! Вот откуда тот красавчик в последних трёх дочкиных альбомах!)

Он сразу воспылал к Светлане горячими чувствами и красиво, по-старинному ухаживал почти весь первый семестр, а на каникулы...

(Ага, это когда в Египет девка вроде как слетала. Помним-помним. Теперь всё ясно.)

... пригласил к себе, знакомиться с родителями.

И тут вдруг рассказчица залилась слезами.

– У него такая ма-ама! – твердила взхлёб. – Мне до неё, как до луны... Ну, какая из меня принцесса? Она на меня как глянет – нищевродкой себя чувствую! Побродяжкой какой-то!

– Ц-ц-ц! – пощёлкала языком Варвара. – Вот ежели будущая свекровь тебя с распростёртыми объятьями встретила – тогда бы я сказала: бойся, дочура. Вали подальше от этой змеи подколодной, что-то у неё на уме нехорошее. А если волком глядит – это нормально. Привыкнешь. Притрёшься.

– Мам Варь, но они ведь короли, куда ж мне в их ряды-то!

– Ха. А ты Российскую Историю хорошо помнишь? У нас вон одна бывшая кухарка несколько лет на троне сидела, Марта Скаврнская, она же Екатерина Первая... И ничего. Да и в нашей родне дворяне затесались, было дело. А раз мы с Галкой троюродные, значит, предки у нас общие. Ты мужниных родителей не бойся, тут главное – как он сам себя поставит. Если заставит остальных тебя уважать – никто никуда не денется. Как у вас с этим? Он тебя при других тоже шпыняет – или, наоборот, поддерживает?

Светланка задумалась.

Вытерла слёзы. Оживилась.

– Мам, а ведь он их гоняет. Даже прислугу за непочтительность ко мне рассчитал, и с той поры передо мной во дворце на цыпочках все бегали. Может, и впрямь, привыкну?

– Поживём – увидим, – дипломатично ответила Варвара. Ей и не верилось, и завидовалось.

Как всегда, интересная жизнь пролетела мимо, помахав на прощание радужным хвостом несбывшихся надежд. Неужели и в самом деле дочь подцепила какого-то принца? Пусть заваливающегося, пусть с королевством с гулькин нос, меньше их городишки... но поди ж ты! Собственного!

– Так чего ж ты плачешь, дурочка? – спросила ласково. – Да, а ведь ты не так и не сказала: муж-то будущему наследнику обрадовался?

– Да-а...

– Ну, вот, опять ревёшь! Цыц, кому говорю! Вредно тебе. Что ещё на этот раз?

– Он требует, чтобы я к нему переехала. А я бою-усь! Буду там одна-а...

– Ну, тихо, тихо... В Москве не боялась одна в общежитии остаться, даже приезжать запрещала, всё взрослую из себя ставила...

Варвара гладила её по светлокосой головушке и вздыхала.

Страхи-то были понятны. В своё время наслушалась она от подруг, повыскакивавших замуж за иностранцев. Их в Ва-

рином институте училось множество – понаехали по обмену студентами. Даже счастливые, подобные браки складывались нелегко. Чужбина, неизвестный язык, никого из близких рядом, муж – на работе или при своём бизнесе, дома только ночует... А ты в его доме одна-одинёшенька, ни спросить, ни словом перемолвиться не с кем. Везде чужие обычаи, какие-то пустяшные мелочи и промахи могут обернуться чёрт знает чем. Адаптироваться на чужбине тяжело, даже если в семье лад.

А уж при суровой-то свекрови...

– Будет тебе, – сказала нарочито строго. – Раз боишься там одна – давай, я с тобой поеду, погощу немного. Гляну на месте, что к чему, авось посоветую дельное. Годится? Если, конечно, твоя новая родня простым главбухом не побрезгует.

Светка радостно завизжала и бросилась ей на шею.

Потом они пекли бисквит с вишней из баночной летней заготовки, и получилось, что не зря – что завтра, оказывается, Сиг, как его перекрестила Светка, приезжает знакомиться, и пирог придётся кстати. Ну, спасибо, доча. Мать после болезни как раз в самом том гламурном виде, чтобы принцев-зятьёв принимать...

Но где-то на периферии мелькнула горькая мыслишка, что если бы не замужество и беременность – дождалась бы она свою девочку нынче в гости? или та взяла бы да снова укатила со своим ненаглядным? Ведь художники почти ари-

стократы, почти богема; нужна-то им мать-тёща? Другое дело, что деваться некуда, надо же познакомиться хоть из вежливости. Вот и едет высокопоставленный зять представляться. Зубами, поди, скрипит, а едет.

– А как страна-то называется, доча? – поинтересовалась она как бы между прочим.

– Иллария, мам.

Дитятко ответило машинально... и осеклось. Виновато глянуло на мать, набирающую текст в поисковой строке телефона.

– Мам Варь, не ищи...

И добавила тише:

– Ты только не волнуйся. Это не наш мир.

Глава 4

И вот тогда Варваре Палне всё стало ясно.

Её девочку кто-то нагло разводит. Какая-то скотина воспользовалась малышкиной впечатлительностью, склонностью к фантазиям, поймала на наивной вере в чудо и на любви к приключенческим книжкам – и теперь водит занос. Надо ещё проверить штамп в паспорте, действительный ли? Женился он, гад, сволочь. Инсценировал даже поездку куда-то...

Далее в размышлениях Варвары пошли сплошь непечатные эпитеты. Но кое на каком моменте она споткнулась.

Вот с поездкой оказалась загвоздка. Неувязочка, скажем. До того ярким и сочным казался Светкин рассказ взahlёб – о путешествии в роскошном королевском поезде через всю страну, так похожую на Италию, Францию и Бельгию, вместе взятые, со старинными, но прекрасно сохранившимися и ещё жилыми сказочными замками, с винокурнями и сыродельнями, рыбацкими посёлками, конными заводами, собачьими питомниками... С красивейшими деревеньками и патриархальными городами...

С этим-то со всем как быть?

Зомбировали, твёрдо решила про себя Варвара. Или загипнотизировали.

Вот уж, действительно, захочешь сильно во что-то не поверить – найдёшь сотню причин!

В данном случае не хватало лишь одной, без которой всё рушилось. За каким, собственно, непечатным хреном это всё?

Кому она нужна, провинциальная девочка-заучка, не то, чтобы ботаник, но с абсолютно пофигистским отношением к собственной внешности, и не из-за отсутствия вкуса, а из-за полного погружения в волшебный мир красок и холстов, акварелей и пастели? Деньги от редкой подработки она предпочитала спустить на альбомы и какие-то дорожные краски, нежели на маленькое чёрное платье и косметику, и, безо всякого злого намерения посмеяться над окружающими, одевалась не по-женски, а, чаще всего, используя мужской принцип; что из шкафа выпадет, то и напялит. Бывало, «мама Варя» перехватывала её у двери, чтобы заменить нелепый берет на более подходящую зимнюю шапочку, или на ходу переодеть из заляпанного супом балахона в более-менее приличный свитер, ворча, что она, хоть и богемная девушка и мольберт с собой взять не забывает, но лучше бы она ещё и голову прихватывала.

Да, конечно, Светланка была не просто хорошенькой – красивой. Изящной. Хрупкой, как статуэтка. Недаром те, кто не знал, что она – приёмная дочь, при первом знакомстве с дородной Варварой Палной изумлённо приподнимали брови, но... хватало такта промолчать. Однако красивых деву-

шек в России, особенно в столице – пруд пруди, хватает, чтобы и жениться, и приятно вечерок провести... Допустим, решили в секс-рабыни заманить, но тогда какой смысл – выпускать её обратно из чужой страны? Посадил на цепь, да и держи... Свят, свят, только не такие страсти, пусть что-нибудь полегче. Допустим, запер в квартире или дома – и никуда она не денется...

А тут, как ни крути – воля ваша, но чересчур сложно получается. Даже если предположить, что поездки, как таковой, да и знакомства с родителями – тьфу, чтоб их, монархами! – не было, и всё это – тщательно наведённые гипнозом воспоминания... Слишком уж много усилий затрачено. В наше время девушек крадут и обводят вокруг пальца куда проще; читали, смотрели, слушали, знаем...

Ох, как тяжело стало на сердце у Варвары!

Тем не менее, она заставила себя выслушать Светланкины откровения с улыбкой, в меру недоверчивой, а на вопрос: «Мам Варь, ты мне не веришь?» – уклончиво ответила: «Там поглядим», но в бутылку лезть не стала. Только ещё сильнее захотелось разобраться с неожиданным зятем. И ни с того, ни с сего яростно засвербила правая ладонь – у кого-то это к деньгам, а у неё – явно к хорошей плухе.

Но пирог они всё-таки не спалили. Бисквит с вишней получился чудо как хорош – мягкий, пышный – как обычно, когда не заморачиваешься, а делаешь на скорую руку. Или как назло... Уж и неохота было переводить добро на како-

го-то афериста.

Поэтому Варвара плюнула на генеральную уборку, которую, наверное, затеяла бы любая тёща перед приездом любимого зятя, и занялась собой. Чтобы, так сказать, встретить во всеоружии. К утру тщательно обдуманый боекомплект был готов: громадные бигуди, очаровательный макияж в стиле семидесятых, с тенями расцветки колибри до самых бровей, пышный розовый полукружевной халат с оборками и бантами. У соседки были одолжены тапки-страшные-зайчики. И, как конец – всему делу венец, шикарная раковина-пепельница, полная благоухающих «бычков» от дяди-Васиных «Беломорин». С первого этажа.

Велкам, дорогой зять! Как говорится, чем богаты...

От волнения Варваре жутко хотелось есть, и вместе с тем кусок не лез в горло. Вот сжимало каким-то спазмом – и хоть ты тресни. Обидно.

Но больше всего почему-то раздражало, что Светка всех её глобальных приготовлений, казалось, не замечала. Впрочем, почему – казалось? Ей и впрямь было всё равно: она полностью ушла в зарисовки, вооружившись ноутбуком и перетаскивая из фотоаппарата добычу, «нащёлканную» за время поездки. Краем глаза глянув на фотографии, неспешно проплывающие в слайд-шоу, Варвара Пална остолбенела.

...Можно, конечно, и загипнотизировать человека. Тем более наивную доверчивую девочку. Но напихать ей в фотоаппарат заранее подготовленные и смонтированные снимки,

да ещё с датами и временем? Да ведь не принцесса Уэльс-кая, оно того не стоит!

Через дочкино плечо она задумчиво посмотрела на сияющую аристократическую морду молодого человека, и впрямь чем-то похожего на Аполлона и Адониса, вместе взятых. На живые умные глаза... жаль только, с такого ракурса цвет толком не разобрать. Чёрт его знает. Надо приглядеться вживую. Своей интуиции Варвара доверяла.

И всё же... в последний момент сердце её дрогнуло. Не то, чтобы решила не позориться – а где-то, в глубине души, проснулась в ней прежняя Варюха, обожающая нравиться красивым парням, и так вдруг расхотелось выставлять себя «тёткой», распустёхой, вульгарной особой... В десять утра она повздыхала, выцарапала из причёски бигуди, смыла раскрас в стиле семидесятых и, всплакнув немного над былой стройностью, откопала из глубин почтенного бабкиного шкафа дорогое утягивающее бельё. Хрен с ним, с аферистом. В кои-то веки захотелось нарядиться для себя. И почувствовать себя не загнанной тёткой... ну вот, опять это дурацкое слово, как кликуха! – а Женщиной. В дивном струящемся платье, синем, под цвет глаз, в туфлях на настоящих шпильках. На которых, благодаря изумительной колодке, Варвара, несмотря на излишнюю полноту, держалась превосходно.

Она глянула в зеркало – и сразу перестала чувствовать себя предательницей. О, нет, такая женщина могла только по-

беждать!

Через без малого час ожидания пыл её заметно поуевал. Принц он там или мошенник, а запаздывать — это всё же привилегия девушек. У Варвары даже обозначилась робкая надежда: а что, если Сигизмунд-который-по-счёту-наследник-Иллариин не соизволит явиться совсем? Решит, например, что задумка не удалась, ну их, этих баб, таких даже облапошивать не интересно; и вообще — поигрался, и хватит, пора сваливать... Не зная, радоваться или огорчаться, она прошла на кухню, с отвращением выбросила в мусорку старую пепельницу с останками «Беломорканала» и выудила из заначки великолепнейший мундштук вишнёвого дерева. Который извлекался на свет божий довольно редко, когда, в лёгком расслаблении, они, ещё с Галкой, сиживали тут на кухне за рюмкой чая, и изображали из себя то Риту Хейварт, то Одри Хепберн... Хоть больше форсили, чем затягивались.

А уж пачке «More», заваливавшейся там же, в самом редко выдвигаемом кухонном ящичке, стукнуло уже лет десять, не меньше. Три оставшихся коричневых палочки высохли до лёгкости паутины.

И мятный привкус в них еле чувствовался.

В глубокой задумчивости, в ностальгии по прошлому, в тоске о подруге она поначалу и не придавала значения дверному звонку. Потом, правда, через кухонную дверь гармошкой пробился оживлённый Светкин голос, приглашающий вой-

ти. «А вот не пойду – и всё. Обойдётся», – мстительно подумала Варвара. «Много чести – у порога встречать. Ишь, зятёк недоделанный...» Не спеша стряхнула пепел в ракушку, задумчиво глянула в окно, на апрельскую слякоть, изящно отставив мундштук... И лишь на дочкино аханье: «Мам Варь, да ты что делаешь-то?» – не спеша обернулась.

Сощурившись, особым приёмчиком выпустила изо рта колечко дыма.

– Молодой человек, вас не смущает, что я курю?

Нет, ну ёшкин кот! И ведь тотчас вспомнила, по какому случаю выдала эту фразу великая актриса Фаина Раневская. Незабвенную застали в театральной уборной совершенно голый, с «Беломориной» в зубах, вот тогда она и выдала эту знаменитую фразу. Варя ничего не могла поделать, лишь безудержно расхохотаться. Хорошо, не истерически!

А смех у неё был чарующий – низкий, воркующий, заразительный. Ничего удивительного, что Аполлон, едва видимый из-за огромного букета каких-то душистых цветов, заулыбался в ответ, да так искренне и с каким-то облегчением, что Варя отчего-то сразу ему поверила.

«Принц так принц» – думала бесшабашно, угощая гостя домашней запеканкой – не творожной, прозаической, а водочной, на травках и на меду, о которой даже у классика говорится: «рюмочки три для души очень полезно принять...» Гость приходил в изумление и от солёных грибочков, и от жёлтых помидоров особого сорта, зимующих в тазике под

кроватью до самой Пасхи, и от маринованных корнишонов с крошечными патиссонами, и от кулебяки «на четыре угла» – с гречневой кашей и яйцами, с рисом и зелёным луком, с молоками, с курятиной... Она потчевала гостей – и всё поглядывала на «свиту», как для себя окрестила друзей-сопровождающих жениха. Их имена она от волнения то и дело забывала, но, пользуясь положением хозяйки, нет-нет, да, подкладывая очередной вкусный кусочек, задавала каверзные вопросы. И терялась с каждым ответом...

Ибо так изошрённо врать могли только настоящие профессионалы. Шпионы или артисты. Но только по-прежнему в подобном вранье она не видела смысла.

Неужели всё-таки дочь права?

И в их доме сейчас – настоящие пришельцы... попаданцы... да как же их назвать-то? в общем, из чужого мира с дивным названием Иллария?

Глава 5

– Как-как вы сказали? Кулебяка «на четыре угла»? Великолепно. Уважаемая Варвара Павловна, вы непременно должны поделиться со мной рецептом. Наконец-то мне найдётся, чем шантажировать собственного повара.

Импозантный мужчина с небольшой бородкой, с взглядом с поволокой, чем-то похожий на Джорджа Клуни, с удовольствием, по-простецки, без ножа и вилки, подцепил кусочек кубеляки и отправил в рот. Судя по стилизованной рыбке – а Варвара всегда умудрялась в украшениях из теста поверх пирогов зашифровать подсказку, с какой именно начинкой попадётся кусочек – гостю достались молоки, обжаренные с лучком и специями и томлёные в сливках.

– Феерично!

Гость зажмурился от восторга, и принялся жевать настолько аппетитно, что, глядя не него, невольно хотелось стянуть и себе кусочек. Тем более что фирменный русский пирог, неистребимая гордость Варвары Солнцевой, исчезал с подноса с третьей космической скоростью.

Чего только не сотворишь от бессонницы... Некоторые читают, курят или отправляются на ночную пробежку. Варвара – пекла.

– А я говорил, папа, – восторженно отозвался Сигизмунд,

для Вари уже просто Сиг, подхватывая очередную порцию и с удовольствием хрустнув поджаристой корочкой. – В кого, как ты думаешь, у Ланы кулинарный талант?

Второй сопровождающий из свиты, молчун, одобрительно кивнул и плеснул всем в крошечные стопки водочки. Варвара вовремя убрала свою, покачав головой. Молчун, чем-то похожий на обоих мужчин – и на жениха, и на отца, явно родственник – вопросительно приподнял бровь. Указал взглядом на бутылку с коньяком.

– Мера, – коротко ответила Варвара. – Больше не в удовольствие.

И вновь прочла на лице свитского одобрение.

Ёшкин кот, всё же хорошо, что она таки решила поменять образ и переметнуться из «Тётки» в «Светскую даму». Не то пришлось бы сейчас сгорать со стыда и выкручиваться изо всех сил. Пирог, конечно, подсластили бы проблему, но первое впечатление, произведённое на седых благообразных джентльменов, было бы испорчено на всю жизнь. Сиг – господь с ним, он не её мужчина... Гхм. Да и эти, собственно. Но... как уже говорилось, Варвара любила нравиться просто так, чтобы ею откровенно или украдкой любовались, даже если ценителям подобной специфической красоты она не оставит ни единого шанса.

Потом с запозданием до неё дошло:

«Папа?»

Это что же получается, Клуни... тьфу, господин с кра-

сивой бородкой, да и сам очень даже ничего – отец Сигизмунда? Сват? Родственничек-король, мать-мать-мать? Решил лично проверить лояльность будущей родни?

Ух, ей чуть дурно не стало задним числом, стоило представить себя в необъятном розовом халате, с бигудюшками на голове, в страшных тапках-зайчиках... Свят-свят. И дело даже не в первом впечатлении от тёщи и сваты, а в позоре, неизбежно лёгшим бы на Светку. Где вообще была Варварина голова, когда она продумывала сию злобную диверсию? Видать, отдыхала...

Досадно, что имени папы-короля она не запомнила. Ничего. Будет ещё возможность узнать.

– Ой, я-то что, – засмушалась в это время Светлана на похвалу. – У меня от мамы Вари только страсть к пирогам. А вот супчики, борщи, мясо со мной никак не дружат.

Глаза Сигизмунда подёрнулись нежностью.

– Не страшно. Готов обойтись пирогами, – проворковал он, и всем присутствующим послышался в его невинных словах явный намёк на нечто большее. Варя только вздохнула. Где её семнадцать лет, где молодой Илюша-десантник? Эх... Молодость, конечно, не «прощай», ибо все мы в душе ещё ого-го... но наступает однажды день, когда ты понимаешь: кое-что не повторится. Никогда.

Праздничный обед шёл своим чередом, и если бы не изысканные костюмы гостей – вроде бы обычные для нашего мира «тройки», но несущие на себе флер безумной дороговиз-

ны – всё было бы чрезвычайно мило и по-домашнему. Но стоило Варваре кинуть очередной взгляд на платиновую за-колку, ненавязчиво посверкивающую бриллиантами в гал-стук папы-короля этой, как её... ах, да, Иллари! На запон-ки с короной поверх вензеля-монограммы, вспомнить без-упречные ботинки стоимостью, наверное, в две её трёхком-натных квартиры, и становилось не по себе. Вот влипла так влипла. И впрямь, придётся ехать со Светкой, чтобы хотя бы последить за ней немного, помочь обвыкнуться. Возможно, придётся даже искусственно утрировать дочкин образ рассе-янной художницы, с головой погрязшей в Святом Искусстве, дабы к её огрехам в воспитании относились снисходитель-но хотя бы доброжелатели. А недоброжелателям не угодишь, как ни крутись.

Но вот согласится ли королевская родня на её, с позволе-ния сказать, визит без предупреждения?

Она поймала себя на том, что рассуждает о посещении ми-ра иного как о чём-то естественном и решённом. Будто стои-ло появиться на пороге этим троим – и все мысли о возмож-ном мошенничестве, зомбировании, промывке мозгов разом вылетели из головы.

И тут Варвара испугалась.

Неужели это всё же гипноз? И её точно так же, как и дочь, беззастенчиво используют?

И порадовалась привычке – выпивать за любым засто-лем, даже с самыми близкими, единственную рюмку. Го-

воят, алкоголь подавляет сопротивляемость психики, поддаться чужому воздействию, будучи «под мухой», гораздо легче, чем трезвому. А у неё как раз прошло расслабление после рюмашки коньяка, вот и вернулась способность рассуждать здраво.

Спокойно, Варя. Считай себя в разведке. Не Матой Хари, конечно, но тем же Штирлицем. И не дай себя подвести к провалу.

С извиняющейся улыбкой она вышла из-за стола, напев что-то про чай-кофе, и исчезла на кухне. Там выпила залпом стакан ледяной воды, клацнула зубами о край стакана... и поняла, что ей невероятно страшно.

Подозревать людей, не сделавших пока ничего плохого, звать соседей и полицию – глупо. Верить в байки об иных мирах – ещё глупее.

Действуя на автомате, налила чайник доверху, щёлкнула розжигом... и машинально потянулась к сигарете. Но на курево в своё время был наложен такой же запрет, как на выпивку, поэтому очередная коричневая «Мог»-ина так и не была прикурена – лишь вставилась в мундштук, прихваченный потом крепкими Вариными зубами. Постучав пальцами по подоконнику, Варя, дабы успокоить нервы, принялась общипывать листки капустной рассады, только-только проклюнувшиеся. Чего сроду не позволила бы себе в мирное время.

Спиной она почувствовала, что в кухне появился кто-то

ещё.

– Вы так напряжены, Варвара Павловна, что, будь ваши соседи эмпатами, как я, к вам на помощь сбежалось бы полдома.

Приятный бархатный баритон принадлежал явно не папе-королю. Что это? Случилось чудо, и Великий Немой... то бишь господин Молчун, заговорил?

– А вы эмпат? – машинально уточнила Варвара.

– Представьте себе. К тому же, специалист по адаптации и переговорам. Иногда контакты с представителями чужих миров проходят крайне болезненно, и тогда требуется наша помощь. Уверяю, помощь самого деликатного рода.

– Признайтесь, это вы убедили меня в...

– Что вы, что вы, уважаемая. Я ни в чём не убеждаю, и ни к чему не принуждаю. Я всего лишь приглушил ваш страх. Остальное – дело вашей интуиции, и, возможно, желания поверить. Ведь идея множественности миров вам не чужда, так?

– И вы этим воспользовались, – с неожиданной злостью откликнулась Варя. – Зачем? Я всё ломаю голову, для чего вам понадобилась Светлана? Она что, наследница какого-нибудь арабского шейха или короля Брунея? Или в её коллекции вдруг затерялась безумно дорогая картина, а другого способа заполнить и вывезти её, кроме как женившись, никто не видит?

Маскировка летела к чертям. Штирлиц таки провалился.

Губы мужчины дрогнули в улыбке.

– Ни то, ни другое, драгоценная Варвара Павловна. Сигизмунд действительно принц Иллариин. К счастью, не наследный... Предвижу ваш вопрос, уважаемая родственница. Мы с Эдвардом братья, так что я нашему жениху, представьте, дядя. Очень удобно иметь в семье эмпата-профессионала, особенно при таких вот ситуациях...

Варя воинственно вскинулась.

– Матримониальных? Вы что же думаете – моя девочка спит и видит, как бы захомутать принца побогаче? И слава богу, что он у вас не наследный... Кстати, почему?

– Как интересно наблюдать за сменой вашего настроения. Ну, ну, – мужчина отступил, вскинул руки, словно прося прощения. – Вы ведь должны понимать, что правящая семья не исключает корыстных целей возможных невест, отсюда и меры предосторожности... Почему не наследный, вы спрашиваете? Всё дело в том, что наш Сигизмунд – второй сын Эдварда, и, соответственно, будущим королём станет Михайэль, его старший брат. Тем не менее, статус не наследной принцессы манит к себе многих, как бы вам сказать...

– Аферисток, – с угрозой в голосе подсказала Варвара. – Я вас слушаю. Продолжайте.

– Младший принц совершенно непрактичен, и, попадись ему девушка, лелеющая неблаговидные планы – боюсь, нам пришлось бы принимать решительные меры, тем более что при рассеянности и простодушии Сигизмунд многое прини-

мает за чистую монету. Страсть к искусству поглощает его. – Собеседник Варвары Палны вздохнул. – Признаюсь откровенно: мы отпустили его в ваш мир без особой охоты, вполне ожидаемо беспокоясь за сохранность его целомудрия.

– А вот, кстати, попутный вопрос: зачем? – не удержалась женщина. – Что ему дома-то не сиделось?

– Это нечто вроде стажировки, сударыня. Проверка на зрелость. На умение не только приспособиться к обстоятельствам и выжить в новом мире, но и закалку некоторых личных качеств. Согласитесь, возможный претендент на престол должен доказать свою самостоятельность. К тому же, ему по душе искусство землян, особенно вашей эпохи Возрождения и Средневековья; мальчик не хотел упускать возможность изучения многих шедевров вживую. Вот, кстати, и ответ на ваш вопрос по поводу наследования. Даже будь Сигизмунд старшим – король из него получился бы неважнецким. Хотя бы один из королевской четы должен, так сказать, твёрдо стоять на земле, но ни и Сигизмунде, ни о Светлане этого не скажешь. А вы как думаете?

Облегчение, испытанное Варварой, сравнимо было разве что с её реакцией, когда однажды, дождавшись анализа на онкомаркеры, она узнала, что никакой опухоли у неё нет, и симптомы указывают на другую бяку в организме, сравнительно безобидную.

– Думаю, что парочка трёхнутых на искусстве – это умиляет. В обычной жизни. А вот для монархии никак не годит-

ся, – честно ответила она. – И слава богу. Не хватало ещё, чтобы Светку вздумали убрать какие-то интриганы, чтобы навязать... Пойдите! – Она так разволновалась, что даже схватила собеседника за руку. – А что, если всё же она кому-то перейдёт дорогу?

Мужчина похлопал её по ладони.

Улыбка у него оказалась искренняя и располагающая.

– Не беспокойтесь. Я не единственный эмпат в королевской семье. К нашему удивлению, переход Сигизмунда на Землю подтолкнул его ранее спящие способности: эмпатия у нас в крови. Будьте уверены, возможную авантюру он почувствует на расстоянии, не насколько он всё же не от мира сего. Да и... определённые службы не спят; так что за безопасность всех членов королевской фамилии я вам ручаюсь.

Опомнившись, Варвара освободила его руку, смущённо зардевшись.

– Прошу извинить, – выдавила. – Я была слишком взволнованна при первом знакомстве и... откровенно говоря, не запомнила...

– Эрих, – склонил голову господин эмпат, не дожидаясь подробных объяснений. – Эрих Мария...

«Ремарк», мысленно добавила Варвара Пална. И едва не завизжала от восторга, услышав:

– Ремардини. Тайный советник Его Величества Эдуарда Густава Ремардини. К вашим услугам. – Склонил голову набок. – С учётом реалий вашего мира – вы, как новый пред-

ставитель нашего семейства, можете обращаться ко мне просто «Эрих».

Варвара с улыбкой протянула руку.

– Варвара.

– Польщён.

Прикоснулся губами к её руке.

– Ну, наконец-то я слышу, как вы сами предпочитаете себя называть! А то я уж и не чаял, как вас представить при дворе. Представьте себе, каково это выглядело бы: тёща не наследного принца Мама Варя!

Он произнёс это несколько торжественно, как мажордом, объявляющий прибытие гостей на важном приёме, и Варвара, оценив комизм ситуации, так и покатилась со смеху.

Она снова могла смеяться, просто и беззаботно. Значит, жизнь налаживалась.

Глава 6

Варвара Пална проснулась под умиротворяющий перестук колёс.

Засыпала она, кстати, под него же. Перед сном с удивлением потаращилась в темноту за панорамным окном вагона, однако ничего интересного в ней не обнаружила. Мелькали в объёмистом световом пятне, кидаемом из окна на землю, невразумительные бугры и пышные кочки, то ли кущи кустарников и деревьев, то ли сочные луговые травы... Однажды поезд словно взвился в воздух; но нет, это просело под ним пространство, стук колёс изменился, перешёл на характерный, гремящий, как обычно бывает, когда состав пересекает мост. Далеко внизу мелькнула широкая полоса водной глади с пятном отражённой встающей луны. И опять – чернота, чернота...

Если бы не невероятная, фантастическая роскошь поезда – и не скажешь, что ты в чужом мире. Впрочем, даже пышность обстановки довольно скоро примелькалась, стала, представьте себе, привычной. К хорошему ведь быстро привыкаешь, да? И официанты в белоснежных форменных кителях с золотыми аксельбантами, встретившие компанию гостей и хозяев в вагоне-столовой, эти улыбающиеся симпатичные юноши, казались не какими-то иномирцами, а

вышколенными студентами, удачно пристроившимися подработать. И хрусталь, и дорогой фарфор на столах воспринимались гармоничной и неотъемлемой частью интерьера. И изысканно сервированные блюда, подаваемые отнюдь не крошечными порциями, над которыми порой похихикивали Варвара с подругами, решившие в кои-то веки кутнуть в шикарном ресторане – нет, кормили здесь не только вкусно, но и сытно, от души, «по-нашему»... Всё вокруг казалось частью дорогой элитной поездки, выигранной в лотерею или полученной по какому-то иному случаю: а раз досталось даром – так наслаждайся, Варюха, что ж тебе ещё? Не забивай голову высокими материями и каким-то чужим миром, здесь всё – то же самое... А когда обаятельнейший Эрих Мария, королевский брат, эмпат, извинившись, встал из-за чайного стола, и, расхаживая по пушистой ковровой дорожке, с кем-то вполголоса принялся беседовать, приложив руку к наушной драгоценной клипсе – переговорнику, амулету отдалённой связи – казалось, что обычный скромный миллиардер или аристократ с кем-то общается по мобильнику...

Даже выделенные Варваре, как почётной тёще не наследного принца, апартаменты, занимавшие полвагона и состоящие из спальни с огромной кроватью от стены до стены, ванной комнаты и небольшой гостиной – никак не могли убедить в своей чужеродности, а лишь казались копиями «Восточного экспресса» или «Экспресса Махараджей». Лишь луна, заглянувшая сперва в одно окно вагона, затем, позеле-

нев, в другое, на противоположной стороне, и оказавшаяся, на самом деле, двумя лунами, поставила железную точку на всех сомнениях.

Там, за окнами, расстилались холмы и леса Иллариин.

К тому же, здесь оказалось намного теплее. По-летнему. Стоило закрыть глаза – и чудилось, что едешь на юг, к Черному морю. Впрочем, паровоз и в самом деле должен был упереться в побережье, где раскинулась столица – славный древний город Авилар. Там уже с нетерпением поджидали принца для празднования, наконец, его бракосочетания с принцессой Светланой.

Поначалу сам поезд, как таковой, наряду с восхищением вызвал и удивление. Варвара Пална, с момента знакового разговора с Эрихом, дала зарок – ничему в дороге, да и на месте прибытия не удивляться, дабы не сесть в лужу, не ударить в грязь лицом, не... одним словом, не опозориться с возможными дурацкими вопросами. Поэтому, когда на великолепном лимузине, смотревшимся на фоне грязного апрельского снега и хрущёвок совершенно инородно, их с дочерью домчали до заброшенного вокзала – она не задавала вопросов. Хоть железнодорожная ветка и бездействовала вот уж лет двадцать, со времён так называемой «перестройки», когда Министерство путей сообщения навсегда отменило маршруты через их городок, как убыточные. Там даже рельсы оставались лишь для маневренных тепловозов, снующих с вагонами от одного заводика к другому; остальное

давно потихоньку разобрали и потырили на металлолом.

Когда Эрих, извлёкши из кармана дорогого пальто некий приборчик, похожий на мобильник, что-то прикинул в уме, нажал поочерёдно несколько кнопочек – и перед ними прямо в пустоте разверзся переливающийся лазурной синевой портал – и тогда она сдержалась от восторженных воплей. Подавила недоумение, шагнув сквозь подёрнутую живой рябью перепонку, и, поддерживаемая твёрдой королевской рукой, очутилась не в сказочной стране, а опять же – на вокзальчике. Правда, не в пример чище и красивее того, что остался за спиной. Небольшое здание красного кирпича под черепичной крышей и с глазастыми часами на фасаде стояло одно, как перст, во всём чистом поле; на видимом пространстве кроме него, небольшой платформы и состава из четырёх вагонов больше ничего не было.

А в поле колосилась под тёплым ветром пшеница.

А за спиной, где-то в двух шагах, оставался сырой грязно-снежный апрель.

И только, осмотрев выделенный ей, по словам Эриха, «скромный уголок»-апартаменты, переждав приступ головокружения и всеобщего лёгкого волнения, вызванного её состоянием – вспомнили, наконец, что мама Варя таки неделю как после гипертонического криза! – после того, как поезд тронулся, и все собрались в салоне на приятную беседу, Варвара не утерпела и спросила, наконец: почему именно *поезд*? Если есть в Иллarii специалисты по открытию порталов из

одного мира в другой – то почему бы не сделать выход прямым в столицу, сразу?

И получила неожиданный ответ:

– Слишком дорого, драгоценная Варвара Павловна.

Король Эдвард сокрушённо развёл руками.

– К сожалению, дело не в средствах, а в энергетических затратах. Каждый портал, открытый в немагический мир, снабжается особой защитой, препятствующей оттоку магии – и во избежание магического дисбаланса нашего мира, и чтобы не нарушать естественного хода развития вашего.

«Магич...» – мысленно Варя поперхнулась. Не удивляться, только не удивляться!

– Понимаю, – кивнула она.

– Да и контроль над хождением между мирами удобнее держать, когда число входов-выходов невелико, это вам наш Эрих, как глава службы безопасности, подтвердит...

«И почему я не удивлена? Потому, что, собственно, самое разумное, когда за безопасностью семьи и государства следит кто-то из самой царствующей семьи. Элементарно, Ватсон...»

– Тем не менее, портал востребован, и не один. Между нашими мирами поддерживается, пусть и засекреченный, обмен культурными и научными связями, и даже кое-что копируется. Мы с удовольствием берём у соседей лучшее, и, поверьте, не остаёмся в долгу. Портал, через который мы прошли, обслуживает несколько территориальных единиц: как

это у вас – областей? регионов? Не слишком удобно для землян, но вы привыкли преодолевать большие расстояния на транспорте. К тому же, пребывание в нашем мире компенсирует возможные неудобства дороги. Здесь по прибытии, достаточно зайти в здание, которые вы недавно видели: это порталная станция, которая доставит иномирца или нашего соплеменника в любую точку Иллариин.

Король добродушно улыбнулся.

– Предвижу очередной вопрос, дражайшая родственница. Мы не воспользовались порталом, ведущим напрямик в столицу, специально для того, чтобы подготовить вас, как впервые прибывшую в наш мир, к новой среде. Этот чудесный поезд, – он повёл вокруг себя рукой, – на самом деле – адаптивный. В его стенах встроены особые магические информационные блоки, мягко и ненавязчиво загружающие в мозг знания языка и письменности, основы истории, географии и политического устройства, базовые навыки этикета. Они даже настраивают моторику тела под вождение некоторых видов местного транспорта, мобильных, например. Есть и краткая сводка светской хроники и новостей культуры. Долгое время наши маги работали над тем, чтобы всю эту уйму знаний впихнуть в человеческую голову одномоментно, разом; но получалось слишком болезненно, знаете ли... А вот внедрение малыми порциями, в течение суток оказалось весьма эффективным. Так что, не удивляйтесь, драгоценная, когда, проснувшись поутру, вы защебечете на нашем языке. Я,

кстати, таким же образом выучил ваш, и вроде бы неплохо.

...И потому-то, вдоволь налюбовавшись на жёлтую и зелёную луны, Варвара Пална из всех сил постаралась заснуть, предчувствуя, как утром проснётся обновлённой, просветлённой... возможно, даже чуточку похудевшей – ведь её организму придётся затратить массу сил на усвоение новых знаний, так ведь? А она во время сессий всегда худела, хоть и жор нападал отменный, но всё в ту пору шло в мозг, в мозг...

А среди ночи проснулась в холодном поту: ей вдруг показалось, что сказки нет, что на самом деле она просто едет в командировку, или в отпуск, напридумывав себе бог весть что. Но под руку мягко скользнуло нежнейшее пуховое одеяло, в свете ночника кровать вновь показалась необъятной, как сама волшебная страна, а сквозь плотные шторы по-прежнему светили обе луны, обе! Торопливо перекрестившись, Варвара Пална зажмурилась – и вдруг, как девочка, пробормотала:

– На новом месте приснись, жених, невесте!

И нырнула под одеяло, в тёплые, нагретые её большим жарким телом, недра.

...Среди ночи к ней, наконец, вернулся Он – её давнишний призрачный возлюбленный, которого она не видела уже лет пять, не меньше. Целовал жадно, почти до боли, овладевал неистово и нежно, и шептал ласковые слова, и называл своей сладкой женщиной, сдобной булочкой, пышечкой... Кому другому в реальной жизни Варя не спустила бы – тер-

петь не могла подобных прозвищ! — но от голоса знакомого незнакомца млела и таяла, и восхищалась, и ловила волны восторга и удовольствия, одну за другой, одну за другой...

А утром проснулась, и под мерный стук колёс и едва заметное раскачивание вагона долго ещё мечтала, и губы её, чуть припухшие со сна, словно от поцелуев, всё лелеяли манящую улыбку.

Глава 7

Кристофер Ремардини, пятый герцог Авиларский, с досадой поморщился, прервав, наконец, утреннее блаженство с дивным послевкусием от восхитительного сна, и, не вставая, потянулся за назойливо жужжащим зуммером – переговорным амулетом. Увидь его сейчас Варвара Пална – амулет, а не Кристофера – так и опознала бы в устройстве обычный мобильник. Ага, из тех, в золотом или платиновом корпусе и с инкрустированным вензелем из бриллиантов, что делают для обычных земных миллиардеров обычные земные ювелирные дома, вроде «Тиффани» и «Картье». Внешняя имитация была совершенна. В последние пять лет законодатели мод принялись активно пробивать в жизнь земные дизайны, и пресыщенной новинками публике эта технократическая экзотика пришлась по вкусу. Кристофер, будучи в душе консерватором, сперва бурчал неодобрительно об «обезьянах, тащащих из диких мест всё, что плохо лежит», но затем с удивлением обнаружил, что *гаджеты* – очень даже неплохая вещь. Особенно кухонные. Ибо была у герцога Авиларского тайная поначалу страстишка – кулинария. Переросшая, по мере потери холостого статуса, в явную, поскольку все три его последних жены мало того, что не любили и не выражали желания готовить – собственно, а на черта это умение гер-

цогине? – они ещё не любили просто *жрать*, Барлоговы веники!.. Там – листик салата и канапе с проросшими вонючими зёрнами, тут – месиво из тех же самых зёрен, годных, по мнению герцога, разве что на хороший самогон...

За пять лет неудачных женитьб он успел вдоль и поперёк изучить меню первых красавиц королевства и понять, в чём причина их отвратительных характеров. Стервозных характеров, если уж на то пошло. Диета, Барлоговы веники!

Хоть, конечно, и он, Кристофер, нравом далеко не сахар...

Но, ядрёна вошь с клиньями, попробуй тут удержишься от непечатных выражений, когда приезжаешь с хорошей партии в поло, взмыленный и голодный – а на столе сплошь зеленуха из салатов и травок! А любимый повар, оказывается рассчитан и в четверть часа выставлен из поместья с вещами из-за того, что, вопреки запрету очередной госпожи, вздумал таки приготовить к приезду хозяина кусок говядины с кровью. Да дело, собственно, не в говядине, и не в том, что у Эльзы или Марианны, видите ли, от запаха мясного и жареного болит голова – она у них болела при каждой очередной блажи. Дело в попытках перековать новоиспечённого мужа по свой манер. Сделать его удобным и пушистым, как прикроватный коврик.

Начинался его протест с того, что, вооружившись тесаком и фартуком, он шёл в кладовую за бараньим боком или говяжьей вырезкой, и колдовал над новинкой – домашним гри-

лем, а иногда и разжигал старинный очаг, в котором жарил мясо прямо на углях. Духовой вытяжкой при этом он не пользовался принципиально, наслаждаясь сперва нытьём, а затем и визгом очередной протестующей благоверной, когда запах и чад от жаркого достигали парадных комнат. Через день-два в дом возвращался шеф-повар Мишлен со своими фирменными антрекотами и печенью по-гусарски. Ещё через неделю с половины хозяина изгонялись модистки, мопсы и подружки жены, непременно желающие сунуть нос в его апартаменты, тёщи, парикмахерши и маникюрши, шиншиллы и морские свинки и прочая шушера. Вплоть до самой супруги, которой навек отделялось крыло особняка, где она могла творить, что угодно, без права переноса безобразий на мужнину половину. Знай своё место, женщина! И царствуй где-нибудь там... в своих угодьях.

А заканчивалось это примерно года через полтора, и каждый раз одинаково. Как вскоре и сейчас закончится. Во всяком случае, Кристофер всё для этого сделал.

Потянувшись, он промычал в переговорник:

– М-м-м...

– И тебе утра доброго, дорогой племянник, – доброжелательно отозвался знакомый голос Ремардини-второго. – Как почивалось? Я тебя не слишком обеспокоил?

– Так, самую малость...

На несколько мгновений Кристофер позволил блаженной улыбке вернуться на его физиономию. Подумав, малость

прирушил: не хотелось делиться этаким кайфом от прошедших снов ни с кем. Пусть часть ночного восторга останется при нём, и только при нём.

– Доброго, дядя. Рад тебя слышать в... – Глянул на экран и подскочил. – В половине седьмого? Ты что, с ума сошёл – в такую рань будить? Или ещё не ложился?

Ответом ему был довольный смешок.

– Нет, дорогой мой, пора ночных кутежей закончилась для меня лет этак... не скажу сколько назад. И хоть наша медицина достигла запредельных высот, но к своему здоровью я всё же отношусь с должным уважением.

– Надо думать, в отличие от меня...

– Совершенно верно, дорогой племянник. Однако я и впрямь не потревожил бы тебя из-за пустяков. Тут у нас наметилась небольшая катастрофа, местного такого, семейного масштаба...

– Хм. Погоди-ка. Дай штаны надеть.

Придерживая переговорник между ухом и плечом, Кристофер запрыгал на одной ноге, другой пытаясь попасть в брючину.

– Дались они тебе, эти штаны... Я же не девушка, да, вдобавок, тебя сейчас не вижу.

– Не девушка, но дядюшка из секретной службы. От тебя всего можно ожидать. До сих пор я так и не опознал два элемента, что ты впихнул без спросу в мой говорильник; не выкидываю их исключительно из уважения к твоим высоким

душевным качествам... Ладно, говори. Я готов.

– Что, даже при галстукe? Нет, не старайся, это я к слову...

Эрих Мария довольно хохотнул. Племянник аж поморщился, сунув галстук обратно в шкаф. Вот дядя-зараза, если не в переговорник, так в спальню точно внедрил наблюдателей! Ничего, вычислит и на этот раз. И повыкидывает к Барлогу.

– Итак, о делах, – сухо заговорил брат короля, давая понять, что лирическое вступление закончено. – Как тебе известно, наш дорогой Сигизмунд женился, и, похоже, в отличие от тебя – довольно удачно.

– Угу. На землянке, слышал... Что значит – удачно? Нет, я без иронии, мне на самом деле интересно, как это у других?

– Девочка толковая. Адекватная. Без амбиций, но с манерами аристократки-художницы, из неё со временем выйдет толк.

– В которой из частей?

– Не понял?

– Толк как из художницы – или как из аристократки?

– Думаю, и то, и другое. Я же говорю – адекватна. Обучаема. Не корыстна, с чувством собственного достоинства... Элианор, правда, на неё в первую встречу слишком уж надавила, но, сам понимаешь, отношения свекрови и невестки редко когда начинаются с великой дружбы. Думаю, они приспособятся.

– Угу, надеюсь. А от меня-то что требуется?

Потерев след от подушки, отпечатавшийся на щеке, герцог направился в ванную.

Эрих Мария преувеличенно грустно вздохнул.

– Мне нужен гид.

Кристофер чуть не выронил зубную щётку.

– Что? Прости, кто?

– Гид. Проводник по нашей чудной замечательной столице. Как тебе известно, мы отправились на Землю за семейством новой принцессы, но семья у неё оказалась неполной, вот теперь... везём тещу нашего Сигизмунда погостить и представить официально. Прелестную, надо сказать, тещу. Парню повезло. Но у нас возникла неожиданная накладка, разрыв во времени. Видишь ли... Бес меня побери, ты же знаешь, как рассеян наш художник! Он уже пообещал своей жёнушке-принцессе путешествие на Кору...

Кристофер присвистнул.

– На зелёную луну? Барлоговы веники, вот это я понимаю, медовый месяц! С размахом!

– Но ты же знаешь, как специалист, насколько недёшевы туда порталы. А неустойка такова, что хватило бы на две поездки в оба конца. Дороговато даже для нашей семьи. Но... Бес с ним, с презренным металлом, Сиг – мальчик ответственный, и, надеюсь, обойдётся единственной в жизни свадьбой, не то, что ты.

– Не можешь ты без воспитательной части, дядя.

– Ну, как же без неё!

– Постой, кажется, я понял. Насколько помню, из-за периодических возмущений магополей и технических трудностей портал на Кору открывается раз в месяц, не чаще. Так?

– Умный мальчик. Угадал.

– И эта бестолочь... Сиг, я хотел сказать, помнящий только о своём Искусстве, да с недавних пор ещё и о подружке... Он вообще в курсе, что они уже женаты? ...Наверняка не нашёл ничего лучшего, чем ляпнуть об отъезде только сегодня. Так?

– И опять угадал, догадливый мой. Не хочешь возглавить отдел аналитики?

– Не хочу, у вас платят мало, а я капризный... И когда же он сваливает?

Тяжкий вздох был ему ответом.

– Ты не поверишь. В полдень. Эй, что с тобой?

– Кха... Тфу... Так, зубной пастой подавился... хр... Фу. Всё. Значит, в ванной комнате твоих камер нет, уже хорошо... И что, его принцесса согласна? И не устраивает истерику из-за отсутствия дорожных нарядов, туфлей, зонтиков от солнца и купальников?

– Ты не поверишь, единственное, о чём она спросила – не забыл ли он её мольберт.

Кристофер долго и с остервенением чесал заросший подбородок.

– Чёрт с ним, с бритьём, отпущу бороду... Повезло же дураку с женой. Ладно, с этими голубками всё понятно, они с

поезда напрямиком мчатся к лунному portalу. А вы теперь, получается, не знаете, куда девать тещу?

– О, мой, догадливый племянник! По закону вселенского невезения, мне нужно срочно вылетать в другое полушарие, готовить команду в дружественной стране Ботсвании. Они надумали создать, наконец, службу, аналогичную нашей, и теперь их нужно срочно протестировать, а из-за болезни секретарей мне доложили о предстоящем вылете лишь сейчас. Сутки меня не будет в столице. Твой второй дядя, король, должен срочно уладить конфликт между порталщиками и торговцами, иначе, образно говоря, взорвётся транспортная бомба с последующими забастовками, а мы к этому не готовы. Это, считай, ещё двое суток занятости... Кристофер, я тебя умоляю: продержись с этой очаровательной дамой сегодняшней день, до вечера; ты всё же член королевского семейства, ты обаятелен... когда захочешь, и если захочешь, я знаю. Покажи ей столицу, проведи по значным мес... о, нет, это лишнее, она особа высоконравственная. В общем, выручай, мальчик мой. Максимум, чем тебе придётся пожертвовать – это своим свободным временем, ммм... хотя бы до завтрашнего полудня. Видишь ли, Элианор встала на дыбы и заявила, что у неё нет времени на новую родственницу.

– Не смягчай углы, дядя. Я так и слышу, как тётушка рывает: «В гробу я видала вашу деревенщину!»

Пауза.

Смущённое:

– Ну... в какой-то мере. Да нет, ты-то откуда знаешь?

– Просто я хорошо изучил тётю-королеву, она тот ещё сноб. Это же каким наивным нужно быть, чтобы надеяться, будто они с новой принцессочкой «притрутся», как ты выражаешься! Погоди, дай подумать.

С дядиной стороны прозвучал вздох облегчения.

– Эй, эй, – обеспокоенно подал голос племянник. – Я ещё ничего не решил! Мне нужно свериться со своим графиком! Мой секретарь не болеет, но он и со здоровой головой напутает больше, чем твои с похмелья. Свяжусь с тобой через полчаса.

– Жду.

Отложив переговорник, Кристофер вновь задумчиво потёр трёхдневную щетину... Точно. Нынче он ней не прикоснётся. Небритым он ещё на публике не расхаживал, надо будет поэпатировать. А вот что у нас там с графиком, в самом деле? Неохота тратить время на пустопорожнюю болтовню с какой-то, в самом деле, провинциалкой, но и отказывать не хотелось: Эрих Мария однажды здорово его выручил, занизив планку Эдварда, непременно желавшего женить бездетного племянника.

На все попытки доказать, что жениться бесполезно, что после Дианы он больше не желает видеть в своём доме женщин, что, Барлог их всех подери, он бесплоден, и это доказано; на потрясения медицинскими свидетельствами был единственный ответ: женись. И таки попробуй состряпать

наследника. Ветвь Анны Ремардини, твоей покойной матери, с её уникальными генами должна быть продолжена. В конце концов, ты ведь не стопроцентно бесплоден, вот же у тебя в трёх заключениях ясно проставлено: вероятность активности – ноль целых, одна десятая процента. Пока у мужчины есть член, в конце концов, есть и вероятность, что он выстрелит метко. А потому – смирись, парень, тебе уже сорок, после твоей болезни прошло уже полжизни... глядишь, семя и восстановилось. Выполняй свой долг перед страной и семьёй. Пробуй.

Спасибо Эриху. Выручил.

Напомнил, как посчастливилось Эдварду с любимой королевой. В монарших семьях редко встречается настоящее взаимное чувство; тоже, наверное, шанс попадания – ноль целых, одна десятая процента, если не меньше. Предложил королю хитрый договор с племянником: три женитьбы подряд. Для повышения вероятности. Не зачнётся наследник с одной женой за два года – срок, за который, в принципе, уже ясно, ждать ли результатов – тогда развод, следующая попытка. И... в самом деле, мальчик прав. Вот ты, Эдвард, сам не захотел бы на месте любимой женщины видеть какую-то навязанную мымру. Не получится у парня – отстань от него. Значит, сами Небеса не хотят продления Анниной линии.

Не помня себя от негодования, Кристофер тогда ещё пытался взбрыкнуть. Дескать, жениться-то зачем? «Пытаться» можно и так, без брака... На что Эдвард сердито цыкнул:

«Нечего блуд разводить! Какой пример для подданных?» И участь сорокалетнего балбеса-племянника была решена.

А ведь каких кандидатов подсовывали! Изученных чуть ли не по микроскопом на предмет возможного зачатия от него... Тьфу! Хорошо ещё, в постель не лезли с советами.

Он пролистал на экране сообщения и записи от Робина, личного секретаря, и... расплылся в улыбке.

Такое известие стоит, чтобы пережить его, будучи при параде!

Переоделся в белый смокинг, щёлкнул пальцами, сотворил и вдел в петлицу белую хризантему. Бесшумные белые ботинки сами, будто на крыльях, отнесли его на половину жены, почти бывшей, игнорируя всполошённых кудахтающих горничных. Ага, будут они вякать «Туда нельзя, цензор!» в его собственном доме!

Без стука он распахнул дверь спальни, на ходу направив переговорник на постель и снимая переплетенье двух тел, очень знакомых: последней жены – кажется, Эстер, и друга детства Йорека. Нет, всё-таки молодцы земляне, что придумали такую штуку, как видеосъёмка! Правда, их устройства более громоздки, с магией-то проще, но сам принцип...

Прекрасно. Вот и доказательство супружеской измены. Вкупе с двумя, полученными только что с почтой от секретаря, удовлетворят любой суд.

– Доброе утро, дорогие мои! – не слишком тактично прервал он забавный со стороны процесс. Дождался женского

визга, недовольного внезапным прерыванием действия мужского хеканья, изысканно поклонился. – Позвольте поблагодарить вас за устроенное представление. Прекрасно, просто прекрасно! Поздравьте меня, с этой минуты я – свободный человек!

И бросил уже на ходу, покидая спальню лживой супруги, теперь уже точно бывшей:

– Эстер, я пришлю своих адвокатов. На большую компенсацию после сегодняшнего не рассчитывай. Бедный Йорек, обойдёмся без секундантов, надумаешь драться – я просто набью тебе морду.

Благодушно кивнул метнувшимся к нему горничным, пунцовым, с глазами, круглыми, как чайные блюдца:

– Можете там прибраться, милашки, пластиковые мешки для трупов найдёте на кухне... Ну, ну, я пошутил. Все живы.

Хотелось петь во всё горло. Хотелось надраться. Но – не с утра же, Барлозовы веники, надо бы потерпеть хотя бы до обеденного аперитива... Ах, да, обед!

Вызывая дядю, вспомнил о новом мобиле, поджидающем в ангаре. Несчастные земляне с их забитыми автострадами! А вот в Иллариин почти все пользуются порталами, и теперь можно гонять на дорогах, практически никого не повстречав за полчаса бешеной езды.

А на этом мобиле – ещё и по воздушке!

Эх, хорошо!

Однако, за ним должок.

– Дорогой дядя! – бодро сообщил он в переговорник. – Спешу порадовать тем, что прямо с этой минуты я, как заслуженный рогоносец, считаю себя абсолютно свободным от брачных уз человеком. Передай Его Величеству, что наш договор выполнен, отрицательный результат тоже результат, а я, со своей стороны, сделал всё, что мог.

Эрих Мария помолчал сосредоточенно.

– Ага. Дорогой Крис, означает ли это, что теперь у тебя появилось дополнительное свободное время? Кстати, что ты на этот раз натворил? Следствие не понадобится?

– Всё в порядке, трупов нет, – жизнерадостно поведал племянник. – Жду твою протеже к обеду. Кстати, как её зовут? Рост, вес, антропометрические данные, желательно портрет – это всё будет? И где мы встретимся?

– Главное – ты согласился, хвала Небесам, а детали я сообщу позже, после того, как всё обговорю. А имя у неё необычайное... – Дядин голос неожиданно потеплел: – Варвара...

Глава 8

– Так это вы за меня, что ли, волнуетесь? – искренне удивилась Варвара Пална. – Будет вам, Эрих! Я уж не маленькая, чтобы со мной носиться и приставлять няньку. Если молодые решили устроить медовый месяц, остаётся только за них порадоваться: наконец-то додумались! Вот и пусть отправляются, куда хотят. А потом, как вернутся – сразу за учёбу, так ведь? Светик, очень тебя прошу, ты эти давешние слова насчёт «Ну её, эту Строгановку!» забудь! Как раз закончишь первый курс и возьмёшь академический, а там потихоньку и до бакалавра дотянешь. Тем более что вы же не наследные, у вас государственных обязанностей не так уж много, я так понимаю?

И вопросительно глянула на короля Эдварда.

Тот одобрительно кивнул.

Его современный костюм сменился с утра на старомодный, классический, в викторианском стиле, и теперь он более напоминал не Джорджа Клуни, а какого-нибудь прогрессивного герцога Веллингтона. Не хватало только монокля в глазу и внушительной трости с серебряным набалдашником.

Варваре, из-за стремительности перехода в другой мир ничего с собой не взявшей, переодеться было не во что. Но шустрая горничная, порывшись в загадочных закромах гар-

деробной, извлекла из какой-то шкатулки чудесный ажурный воротник-пелерину в тон платью, не менее прекрасный пояс, но главное – изумительную шляпку, крохотную, невесомую, парой шпилек и каким-то чудом крепившуюся к высокому узлу причёски. Поэтому-то чувствовала Варя себя с самого утра превосходно, и никакие известия о том, что хозяева вынуждены сразу же по прибытии в столицу разбежаться по сверхважным делам, её не пугали.

Ей не впервой очутиться в незнакомом городе. Наездила за жизнь. Главное – язык она теперь знает, а с ним не пропадёшь. Куда больше её волновала оброненная накануне дочерью фраза насчёт учёбы. Мало ли, как дальше сложится жизнь? Высшее образование никому ещё не помешало.

К счастью, сам король Иллариин пришёл ей на помощь.

– Первейшая обязанность всех принцев, разумеется – обеспечить возможных наследников, чтобы, в случае возможной утраты наследника первой очереди ему всегда нашлась замена. А что касается общественных обязанностей... Семейства не наследных принцев, как правило, курируют науки и искусства, поэтому совершенно с вами согласен: художественное образование нашей Светлане непременно надо получить. И в полном объёме. Если мало земного института – для неё открыта наша Академия Искусств.

Варвара Пална от души улыбнулась насупившейся приёмной дочери. Хмурься, сколько хочешь, Светик, но халява не пройдёт! Ничего, схлынет первая любовная эйфория, ребя-

та чуть поднадоедят друг другу за медовый месяц – тут-то учёба и вспомнится.

За счёт широких панорамных окон вагон-столовая, где вся их тёплая компания собралась на ранний завтрак, был пронизан светом. Поезд шёл неспехом, одним боком развернувшись к горной цепи, где на склонах, утонув в курчавой зелени, проглядывали крыши и башенки особняков, другим – к морскому берегу. Эта сторона была куда интереснее, и Варвара то и дело скашивала глаза, пытаясь рассмотреть гранитные скелеты волнорезов, пристани, большие и малые, пассажирские и рыбацкие, и настоящие паруса на горизонте...

Спохватилась:

– Чудненько. А обо мне не беспокойтесь. Я ведь, собственно, в качестве кого еду? Вернее, в качестве чего? Амортизатора, иначе не скажешь. Или вроде вашего адаптивного поезда, помочь нашей девочке привыкнуть к новой среде. А если она на целый месяц с мужем останется – за это время тут многое произойти может... Кое-кто, например, хотя бы привыкнет к мысли, что невестка – есть, и от неё никуда не деться. И что, кстати, сватья есть... Это у нас так по-простому родственники со стороны невестки зовутся. А раз уж мы теперь родственники – то, как мудрые люди говорят, «свой своему поневоле рад»!

– Как-как? – переспросил Эдвард и рассмеялся. – «Свой своему...» Превосходное выражение, дорогая Варвара Павловна, я непременно запомню! Сигизмунд, ты слышал? На-

поминай об этом иногда своей матери, ей полезно!

Принц рассеянно кивнул. Рука его покоилась на Светкиной талии, молодые с восторгом таращились в окно и, судя по лицам, мыслями пребывали уже не здесь.

Варенька махнула рукой.

– А-а, это бесполезно. В таком состоянии они ничего не запомнят. Господи, как же их одних-то, без няньки на Луну отправлять? Потеряются ведь где-нибудь!

– Не беспокойтесь, у нас там есть свои люди, – весело блеснул глазами Эрих Мария. – Присмотрят. Давайте всё же обговорим вашу нынешнюю программу пребывания.

«Тю!» – чуть не сорвалось у Варвары простонародное, но она сдержалась. Пожала плечами.

– А что – пребывание? Я прекрасно отдаю себе отчёт, господа хорошие, что в Илларии я всего лишь гостя. А гостеприимством злоупотреблять нельзя. Но в кои-то веки у меня появился такой шанс – посмотреть на иной мир! – и разве можно его упустить? Мне бы глянуть на вашу столицу, потолкаться по улицам, по музеям, поехать по вашей воздушке, а заодно и в тёплом море искупаться... Вы не поверите, я, хоть и обожаю море, но за всю свою жизнь была на нём три раза, не больше. Да просто стыдно не воспользоваться такой возможностью. И на всё – про всё у меня... – Она что-то подсчитала на пальцах. – Три дня, не больше. Включая сегодняшний. Потому что после выходных заканчивается больничный, и в понедельник я должна быть на работе, свежа,

как огурчик. Что?

Король и брат-безопасник обменялись странными взглядами. Варя даже сказала бы – недоумевающими.

– А разве... – начал осторожно Эрих Мария. – Варвара Павловна, вы разве не хотите остаться здесь? Всё-таки вы теперь – член королевского семейства, это даёт определённые привилегии...

Варя скептически сделала бровки «домиком»:

– Да? Это какие же? Приживалкой, что ли, при дворце жить за красивые глаза? Нет, спасибо. Я пока ещё дееспособна. У меня интересная работа, хорошие сотрудники; меня ценят, любят и уважают. А кем я стану у вас? Пиявкой-тунеядцем? Да бросьте! – И добавила жёстче: – Это Светлана для вас теперь не чужая. А родит – так и вовсе станет матерью члена королевской семьи. А я, уж простите за откровенность, была и буду для вас посторонней тёткой. Так что, – смягчила тон, – вы уж позвольте мне оставаться просто гостьей. Так всем будет легче, поверьте. И вам, и мне, потому что навязываться я не люблю.

Наступила неловкая пауза. Король кашлянул, прочищая горло, собираясь, по-видимому, что-то ответить, но в это время в столовую впорхнули официантки с подносами, и принялись разливать чай и кофе, и расставлять вазочки с пирожными, кексами, творожными и сдобными рогаликами, булочки с маслом, сырны тарелочки, крошечные корзинки со свежими ягодами...

Не удержавшись, Варя подцепила малину. Аппетитно хрустнула зёрнышками.

– Всяк хорош на своём месте, дорогие мои. Кто на троне, кто в офисе. Вы – у себя король, я – над своими подчинёнными королева. И никто никому не мешает.

Эдвард несколько принуждённо засмеялся и придвинул к ней блюдечко с мёдом.

– Вы очаровательны, Варвара, позвольте уж так вас называть? Откровенно говоря, я не думал, что вы захотите вернуться к прежнему образу жизни, когда впереди – такие перспективы... Нет-нет, не отговариваю, я уже понял, что праздность, как таковая, вам претит, ибо вы – женщина деятельная. Единственное, о чём прошу не забывать, что если, допустим, вы захотите однажды чем-то заняться у нас...

– Открыть своё дело, например, – подхватил Эрих Мария. – Этакий свой маленький женский бизнес...

– Возможно, даже под вымышленным именем, дабы не привлекать внимания ни к себе, ни к королевской фамилии...

– И под незримым покровительством службы безопасности... – повернул брат короля.

– Совершенно верно. То имейте в виду: вы всегда найдёте самое горячее содействие.

Зажмурившись от удовольствия и собираясь с мыслями, Варвара, как дорогое вино, покатала на языке каплю душистого мёда.

– А знаете, господа, это было бы прекрасно. Только я ведь женщина неторопливая... Я подумаю. Что-то в этом есть этакое, заманчивое.

И добавила застенчиво-важно:

– Грасия, ценьоре!

Что на илларийском означало: «Спасибо, господа!»

Глава 9

Выдёргивая Варвару Павловну из её мира, Эрих Мария заверил, что на месте прибытия у неё окажется вдоволь чего надеть, и беспокоиться ей не о чем. И добавил, что за свой немалый век (Варвара похлопала ресницам, но так и не решилась спросить благородного цензора про его возраст) он достаточно изучил женщин и понимает, что нет для них ничего страшнее, чем появиться два дня подряд в одном и том же туалете. Они с братом-монархом просто-де восхищаются её мужеством и не станут испытывать терпение.

Ситуация разрешилась восхитительно просто.

Оказывается, горничных и стюардов для чудо-поезда подбирали не абы как. Порой здешние пассажиры попадали сюда спонтанно, «с улицы», можно сказать, причём не только с Земли, а ещё из нескольких миров, ставших недавно доступными. За сутки, отводимые на дорогу, им надо было успеть не только выучить язык и обычаи, но заодно и скорректировать внешний облик, чтобы по прибытии в столицу не привлекать внимание зевак, а то и вездесущих газетчиков. Увы, пишущая братия, падкая до новостей и непроверенных сенсаций, в этом отношении ничуть не отличалась от своей земной разновидностей, и уже несколько раз провоцировала крупные межмирные скандалы. Поэтому иномиряне с пони-

манием относились к предложению мимикрировать, слиться с новой внешней средой.

Не без помощи модных иллариийских журналов и каталогов, горничная при Вариных покоях успела за ночь соорудить несколько заготовок под будущие туалеты, и теперь поджидала, когда гостя сделает выбор из предложенных моделей, либо даст указания перекроить всё по своему вкусу. При каждом гостевом купе был порядочный запас тканей, обуви, шляп, аксессуаров, с помощью которых маскировка под гражданина Илларию любого класса и сословья производилась виртуозно. Здешние обаятельные девочки и мальчики в фирменных кителях, разбирающиеся в модельном деле не хуже мадам Коко и мсье Диора, вместе взятых, все, как на подбор, были лучшими выпускниками Академии Высокой Моды, и, помимо владения теорией, блестяще использовали бытовую магию.

Варя и ахнуть не успела, как то, что она приняла за бесцветный чехол для платья, налилось выбранным ею цветом, задрапировалось художественными складками, оформилось зоной пикантного декольте, выровнялось по желаемой длине – не в пол, а до середины икры. Одновременно преобразились и туфли, сперва в тон платью, затем истончив каблук до шпильки, потом, после Вариного качания головой, укоротившись, выровнявшись в широкую устойчивую «рюмочку» модернового стиля. Чем-то здешняя мода, и не только женская, напомнила Варваре Палне эпоху немого кино и свое-

образный стиль двадцатых годов двадцатого столетия, разве что, судя по картинкам из журналов, мужчины здесь не перebarщивали с набриолиниванием причёсок, и слава богу... Кое-где проглядывали вкрапления, явно иномирного происхождения: джинсы с имитацией прорех, например, которые ни с чем не перепутать. Но на них, по словам горничной, решались немногие даже из элитной «золотой» молодёжи. Те ничего не боялись, даже татуировок и пирсинга.

Так и получилось, что к моменту прибытия в Авилар Варвара Пална оказалась обладательницей гардеробов на все случаи жизни. Хотя, памятуя об ограниченности срока пребывания, от большей части ей удалось отбиться, но то, что осталось, разместилось в трёх чемоданах из телячьей кожи. Причём, магия, используемая при создании сих шедевров, была отнюдь не одной природы с волшебством феи-крёстной, действующим до ближайшей полуночи. Нет, здешняя творилась добротнo, изменяя фактуру, цвет и покрой материалов окончательно и бесповоротно. Можно было не беспокоиться, что купальный костюм в ретро-стиле расползётся в воде, оконфузив владелицу; и уж, разумеется, вечернее платье, заготовленное для небольшого танцевального вечера в честь Варвары Палны – об этом предупредил Эрих Мария – не превратится после полуночного боя часов в старенькое, заляпанное золой и сажей.

Из-за таких хлопот Варя чувствовала себя как-то неудобно. А главное, что, кроме благодарностей, она ничем не мог-

ла вознаградить колоссальные труды милой девушки. Но та лишь улыбнулась и заверила, что ей и без того повезло оказаться после выпуска именно на этом поезде, на государственной службе. Жалованье здесь платили немалое, да ещё за гардероб для каждого нового клиента отваливали премию. О такой работе многим бывшим студентам приходилось лишь мечтать.

Так что из вагона Варвара Пална выходила во всеоружии своей дивной красоты: в чудесном бежевом дорожном костюме, включающем настоящую юбку-брюки, изящный жакет с аксельбантами и превосходную шляпку с пёрышком. Боже сохрани от желанных столь многими попаданками джинсов! В лёгком чесучовом наряде, да ещё с натурально-шёлковым шарфиком, повязанным хитроумным узлом и с бриллиантовым петушиным хвостом, она мнила себя прожжённой аристократкой-путешественницей и авантюристкой, Энн Бони¹, Сарой Бернар² и Амелией Эрхарт³ одновременно! Не удивительно, что оба брата – и король, и безопасник, кидали на неё одобрителные взгляды.

Платформа, принявшая пассажиров, оказалась на крохот-

¹ Энн Бони – знаменитая пиратка, ирландка, по прозвищу «Повелительница морей»

² Сара Бернар – французская актриса, отличающаяся не только талантом, но и профессиональным бесстрашием. Среди её ролей был Гамлет. А Джульетту она умудрилась сыграть в 70 лет, и зал встречал её овациями.

³ Амелия Мэри Эрхарт – пионер авиации, писательница. Первая женщина-пилот, перелетевшая Атлантический океан

ном вокзале единственной, хоть и прикрытой высоким павильоном со сводчатым матовым куполом, через который угадывались пробегающие в небе облака. Но всё здесь было как полагается: улыбающиеся проводники в кителях и фуражках, блестящие золотом буквы на вагонах, носильщики – тоже в форменках, на тележках-самокатках, и даже небольшая группа встречающих. Разумеется, не родственников. Присутствие Её Величества Элианор Иллариийской протоколом предусмотрено не было – у неё проводилось открытие нового медицинского центра, запланированное ещё месяц назад, а рассеянность сына, не ставившего родителей в известность о своих приездах, не могла помешать такому серьёзному событию со множеством приглашённых заранее официальных лиц.

Поэтому встреча с Элианор откладывалась на вечер либо до завтрашнего дня.

Варя скептически покосилась на «молодых». Хорошо устроились! Эти голубки, разумеется, не озаботились сообщить маме-королеве о круизе; сейчас они рванут на свою Луну, а ей – отдувайся перед сватьёй, выслушивай вежливые попреки... Ну, да ладно, где наша не пропадала, пусть дети отдохнут. Скоро не до того будет, с дитём-то. Хоть, конечно, в такой семье мамок-нянек наберётся достаточно, а всё же и родителям прибавится хлопот.

Встречали их журналисты, все, как один, вооружённые блокнотами, какими-то коробочками, подозрительно похо-

жими на диктофоны. Попадались среди этой братии и те, что выуживали из карманов какие-то устройства, подозрительно смахивающие на мобильники, но, лишь взглянув на экранчик, с кислой рожей убирали.

– Налетели... – сквозь зубы процедил король Эдвард.

– Ничего, сегодня они практически слепые. Отобьёмся, – бросил его брат и махнул рукой, отвлекая толпу корреспондентов на себя и в сторону. Принца же с новоявленной принцессой, папу-короля и «маму Варю» окружила стайка приветливо улыбающихся юношей и ненавязчиво оттеснила к широкой арке неподалёку от парадного выхода, из которого проглядывала городская площадь с каким-то обелиском, увитым цветами. Профессионально так оттеснила, вежливо пресекая попытки некоторых выскочек-писак последовать за ними.

За аркой, переливаясь редкими искрами, клубился золотисто-жёлтый туман, и явственно тянуло цитрусами и ванилью. Варя даже расчихалась.

Эдвард со смешком подхватил её под локоток.

– Смелее, драгоценнейшая! На той стороне всё пройдёт.

Ещё шаг – и они оказались в просторном холле, чрезвычайно похожем на только что покинутый вокзал. Разве что вместо перрона здесь вдоль стены, облицованной мозаичными плитами, шёл целый ряд уже знакомых Варваре порталных проёмов, таких же, из которого они только что вышли. А по стене напротив шли порталы иных цветов. Возле одно-

го из них, туманно-малахитового, нетерпеливо поглядывала на часы, переминалась с ноги на ногу, шушукалась группа из человек двенадцати. Увидев радостно замахавшего руками Сигизмунда, довольно загудела.

– Портальная станция, – между тем поясним король. – В следующий раз, если не понадобится дополнительная подготовка при переходе, вы, минуя экспресс, шагнёте из своего мира прямо сюда. Обратите внимание...

Он кивнул на арку, оставшуюся за их спиной.

– Этот портал, и те, что по соседству – для перемещений внутри Иллариин. А те, что на другой стороне – действуют между мирами. Вот тот, с зелёною, ведёт на Кору, одну из наших лун, видите, наши не наследные уже собираются к нему ринуться! Ага, нас заметил глава их группы, сейчас он подойдёт. Скажете детям краткое напутственное слово?

– Сказать-то скажу... – Варвара Пална задумалась. – Да будет ли толк? А что вы там говорили насчёт своих людей, которые присмотрят на Коре за нашей парочкой? И что из себя представляет эта Луна, почему на неё туристы валом валят? Ах, курорт?..

...И спустя десять минут, расцеловав Светланку и Сигизмунда, пожелав доброго пути, побольше отдыха и поменьше глупостей, махнула им, скрывающемся в зелёном портале, платочком, и повернулась к молодому человеку, до странности похожему на тех, что аккуратно вывели их из зоны обстрела прессы.

– Итак, юноша, слушайте внимательно. Объект для наблюдений попался вам недисциплинированный и непредсказуемый, скажу сразу. Но вы просто запомните: когда моя доча не рисует и не созерцает задумчиво – она вполне вменяема и разумна; но стоит ей взять блокнот или сесть за холст – всё, весь мир должен крутиться рядом или замирать. Вот тогда и следите: чтобы на неё ничего не упало, или чтобы сама не рухнула, не глядячи; чтобы не лезла, куда не надо, а то с неё станется вскарабкаться на дерево или на скалу: она, видите ли, очень любит искать неожиданные ракурсы. В местах вроде парков развлечений аккуратно уводите её от «тяжёлых» аттракционов: девочка всё-таки беременна, но может забыть, что разные гонки и падения с горок ей противопоказаны. Как и комнаты ужасов, батуты, прыжки с вышки и на парашюте...

Она бы ещё долго перечисляла, но заметила странную обречённость на лице охранника и остановилась, виновато улыбнувшись.

– А, в общем-то, всего, конечно, не предусмотритишь, но суть вы поняли. Выполняйте.

– Пожалуй, я усилю эту группу, – озабоченно покачал головой появившийся Эрих Мария, глядя вслед уходящему молодому человеку. – Слишком ответственно... Няньками им ещё не приходилось бывать.

Глава 10

– Отбился? – добродушно спросил брат-король. Брат-безопасник лишь пожал плечами:

– Не в первый раз. Благодаренье небесам, нынче у этой братии на вооружении только диктофоны. Пятиминутной речи им хватило. Но, пожалуй, впервые я рад рассеянности нашего Сигизмунда: благодаря удачному совпадению, мы сегодня обошлись без лишних фотографий, и наша Варвара Павловна какое-то время сможет походить по улицам не узнанной, без риска нарваться на любопытных.

– Почему? – немедленно полюбопытствовала Варя.

– А помните, мы говорили о больших магозатратах на переход в иные миры? Здесь аналогичный случай. Только портал из Иллариин на Землю идёт через межмирье, а тот, что ведёт на Кору, со всей аккуратностью пронизывает магический купол, поддерживающий атмосферу и привычную для людей силу тяжести. Маги-природники изрядно постарались, сотворив из почти безжизненного небесного тела игрушечку, этакий тропический рай, и даже привязали купол к местным энергоцентрам, сделав его независимым от поддержки с Иллариин. Но активация портала, такого, что не повреждает защиту, а встроена в неё, требует существенных затрат с нашей стороны. Поэтому ежемесячно, в день перехода, мы,

так сказать, объявляем по стране режим экономии на сутки, отключая службы, без которых временно можно обойтись. В частности, каналы связи, аналогичной вашей мобильной.

– Но как же без связи? – изумилась Варя.

– Так не полностью же отключаем, накладывается ограничение по объёму информации. Аналоги фото и видео не передать, да и... – он засмеялся, – сами фотографии сегодня не получатся. Есть в этом свои тонкости, но не стану вас ими грузить. Однако, Эдвард, кажется, за тобой пришли.

Варя завертела головой. Очень уж хотелось увидеть ещё кого-нибудь из обитателей этого мира. На туристов, отбывающих на Кору, она успела наглядеться, а больше в обширном здании портальной станции любоваться было нечем: двое дежурных особого интереса не представляли.

Но сейчас к ним приближался молодежавого вида джентльмен в годах и с моноклем в левом глазу, в идеальном, с иголочки, костюме, с чёрным кожаным портфелем. Осанка и походка его были исполнены величия и достоинства, несведущему человеку могло показаться, что это и есть сам король. За ним, чётко выдерживая дистанцию в два метра, вышагивали двое, чьи квадратные плечи и мужественные лица, а также нечто вроде кобур на поясах, не оставляли сомнений в роде занятий. Живописная группа появилась, скорее всего, из ближайшего «жёлтого» портала.

– Ваше величество, – чопорно произнёс джентльмен в монокле и остановился, по-военному прищёлкнув каблуками.

Чётко обозначил кивками приветствие каждому из присутствующих: – Ваша светлость... Ценьора...

«Это мне, что ли?» – спохватилась Варя и вежливо наклонила голову. К счастью, то ли секретарь, то ли советник Эдварда Илларийского не принялся рассыпаться в комплиментах приезжей даме, хоть наверняка и знал о её нынешнем статусе – не зря ведь почти поклонился, приветствуя наравне с королевскими особами! Похоже, господин в монокле являлся человеком дела, а потому сразу к этим делам и приступил.

– Ваше величество, представители транспортников и порталщиков собрались в Большом зале заседаний. Пока готовят бумаги. Смею напомнить, что вы высказали пожелание опоздать не более чем на десять минут.

– Да, идём, Фридрих. Благодарю. Господа, желаю вам удачно провести день!

С Его Величеством все было ясно. Судя по прозрачному взгляду, мысленно он уже пребывал там, в зале переговоров. Что не помешало ему откланяться с соблюдением всех правил этикета, под бдительным взглядом секретаря или министра поцеловать Варваре Палне ручку и... удалиться на сверхважную встречу. Как, впрочем, и оговаривалось ещё с утра, при обсуждении предстоящих дневных дел.

– Что поделать, дорогая Варвара Павловна, – всё же, приличий ради, посокрушался Эрих Мария. – Правители – самые несвободные личности у себя в стране. Однако у меня

есть ещё несколько минут, прежде чем и за мной явится мой Антонио, а поэтому – позвольте вас проводить в весьма приятный уголок. Знаете, что я подумал...

Он с улыбкой указал Варе на топазовый портал, мерцающий где-то вдалеке, среди ряда таких же.

– Я решил: ну что вам сейчас делать во дворце? В пустых апартаментах, которые, впрочем, и готовы, и ждут, если вас не устроит моё предложение... Но семья в полном составе соберётся не раньше позднего вечера; не коротать же вам время в обществе прислуги, или, бродя по незнакомым залам! Дворец, разумеется, красив и впечатляющ, но без проводника в нём недолго и заблудиться. К тому же, я уже понял, что вы, при скромности своей и нелюбви к официозу, вряд ли захотите быть взяты под патронаж фрейлин или болтливых придворных дам, оставшихся без присмотра в отсутствии Элианор... Я прав?

– Ну, то, что вы первоклассный психолог, я уже поняла, – кивнула Варвара. – Что вы прячете в рукаве, Эрих? Валяйте, признавайтесь!

Он с недоумением вздёрнул брови:

– В рукаве? Ах, это такая идиома! Какая прелесть, это надо запомнить... А прячу я...

Он, словно фокусник, извлёк – правда, не совсем из рукава, но из обшлага манжеты, сверкнувшую выпуклыми позолоченными буквами карточку, похожую на пластиковую.

– Апартаменты в отеле «Золотой янтарь», сударыня. Срок

пробеживания не ограничен. Лучший отель на нашем побережье, в пяти милях от столицы, куда вы всегда можете явиться частным порядком, на мобиле или через портал, хоть в сам дворец – я открою доступ, хоть в город. Не захотите одна – я примчусь по первому зову. Хотя... – Он хитро усмехнулся. – Не волнуйтесь, одну-то я вас не оставлю.

Варя нахмурилась. Это что же, и к ней приставят целую группу, как к Светланке? Но тем временем Эрих, отвлекая, торжественно потряс прямоугольным кусочком.

– Море! – возвестил он тоном профессионального искателя. – Пляжи! Устрицы, мидии, рыба, которую выловят и зажарят у вас на глазах! Гамаки под пальмами и кокосовое молоко! Массаж, расслабляющие душу и пятки, и сколько угодно купания в тёплых волнах!

Сердце Варвары дрогнуло.

– Беру! – И в прыжке она ловко выхватила карточку из Эриховых пальцев. – Боже-боже-боже, и это всё – мне? Какое счастье!

... «Нет, всё же удивительная женщина», – посмеиваясь, думал Эрих Мария Ремардини. – «И впрямь отказаться от дворца, от возможности узнать сплетни у самих фрейлин, которые так и будут перед ней расстилаться, а иного мы им не позволим... Право же, как мало ей нужно для счастья, можно только позавидовать!»

Уже после обустройства гостии в отеле, объяснив, как пользоваться картой в качестве платёжного средства и иден-

тификатора личности, он связался с племянником.

– Кристофер? Мой мальчик, спешу напомнить о нашей договорённости. Всё остаётся в силе, но пришлось немного переиграть время: дама ждёт тебя на западной террасе в шесть часов вечера.

– Это мне ещё и на ужин её тащить, что ли? – приуныл на том конце связи герцог Авиларский. – Я-то надеялся отделаться малым... Ладно. Как скажешь, дядя, я готов.

– Придётся тебе подождать. Не мог же я лишиться её возможности немедленно опробовать пляж и окунуться раз пять-шесть, это было бы с моей стороны просто безжалостно. Да ты сам увидишь, какая она... непосредственная. Предупреждаю: выкинь из головы всё, что ты до этого знал о женщинах. Она – дитя своей среды, своего мира и совсем иного воспитания.

– Дикарка, что ли? – хмуро поинтересовался Крис. – Ты бы хоть портрет переслал; а то как прикажешь опознавать это чудо природы?

– Тьфу на тебя. Забыл, что сегодня все рассылки ограничены?

– Но хоть внешне опиши!

Эрих Мария присвистнул:

– Ого, за мной пришли... Кристофер, мальчик мой, мне пора. Почти опаздываю. Не беспокойся, её ни с кем не перепутать. Приятного вечера!

– Удачной поездки! – не пожелал, но словно огрызнулся

племянник.

Подумав, связался с секретарём.

– Вот что, Робин, я уже говорил о дядином поручении? Так вот, мы с его... с нашей новой родственницей встречаемся сегодня в шесть, в «Золотом янтаре». Не в час, как раньше планировалось, а в шесть! Свяжитесь... м-м-м... с администратором, с управляющим, с портье – да с кем угодно, но добудьте приметы этой дамы! Чтобы я глянул – и узнал её сразу же. Понятно?

Глава 11

Назвать Робина, секретаря Его Светлости пятого герцога Авиларского, живым ходячим бедствием, язык не повернулся бы разве что у ленивого. Этот молодой человек умудрялся влипнуть в неприятности там, где, казалось, ими и не пахло. Сломать ногу, да ещё с подвывихом в лодыжке, на ровном месте. Получить по голове случайно выпавшим из окна горшком с геранью или иным омерзительным цветком – неважно каким, главное, что выпавшим... Умудриться заработать тяжелейшую аллергию на морепродукты в первый же день отдыха на Коре, и из-за этого почти весь оставшийся до отъезда месяц просидеть на жёсткой диете и антигистаминных препаратах...

Для всего окружения Кристофера до сих пор оставалось загадкой, почему герцог терпит рядом с собой этого недотёпу, или хотя бы не прибьёт из сострадания. Ответ знал лишь сам Авиларский. Во-первых, из жалости: обычно безразличный или ровно общающийся с подчинёнными, племянник короля привязался к сосунку, случайно затесавшемуся на конкурс его будущих секретарей-референтов. Больно уж тот, в потёртом костюмчике, подлатанном незамысловатыми магическими плетениями, купленными, возможно, на последние гроши, отличался от самоуверенных и нахрапистых кон-

курентов, всех, как один, прошедших курсы модного самосовершенствования и карьерного роста, уверенных в своих силах и безоблачном будущем для них лично, готовых попинать ногами в моднейших ботинках упавшего соперника, а, если удастся, украдкой ещё и ткнуть в бочину: куда лезешь, сволочь?

Робин среди них смотрелся беспородным щенком, по случайности забредшим в стаю молодых, наглых волкодавов. Герцог-то, пожалуй, и привязался к нему, как к подброшенному, шугаемому всем кутёнку. Но, как человек практичный, всегда помнил, что из дворняжек-то и выходят самые чуткие сторожа и самые верные друзья. Поэтому прервал конкурс секретарей на втором тесте, убедившись, что заинтересовавший его щено... юноша неплохо владеет стенографией и печатает, а, значит, справится со своими обязанностями независимо от наличия в секретарском арсенале иномирных *гаджетов*. Задал несколько вопросов на сообразительность. И бросил: «Вы приняты!»

Второй причиной оказалась феноменальная память нового помощника. Мало того, что этот самородок поправлял иной раз профессиональных переводчиков, присутствующих на официальных встречах, и оказался ещё и полиглотом. То, что попадало ему в подкорку, оставалось там навсегда. Ежедневник ему был без надобности: он заполнял его лишь для того, чтобы во время отсутствия – его хождения по поручениям – сам герцог, заглянув в расписание, мог

освежить в памяти ближайшие запланированные события. Сколько раз, стоя за его плечом на светских приёмах, Робин еле слышным шёпотом подсказывал имена особ, желающих с ним пообщаться! Ведь у «босса», как по земному обращался он к герцогу, память на имена, в отличие от Робина, была, откровенно говоря, дырявая...

Ну, и, наконец, главное.

Парень, конечно, был лопух. Впрочем, гении – а таким, между прочим, Кристофер и считал недотёпу-секретаря – частенько страдают излишней рассеянностью, сосредоточившись лишь на том, что им интересно. Однако герцог давно заметил странную закономерность: неудачи Робина имели в дальнейшем самые непредсказуемые, но положительные последствия. Причём, как для него, так и для людей, принявших в нём участие. Так, сломанная нога притянула к себе знакомство с доктором Розенблумом, совершенно случайно подобравшим несчастного на пустынной улочке, где ему, растянувшемуся на ледяной дорожке, раскатанной ребятишками, некому было прийти на помощь – вопить о своей беде он, видите ли, стеснялся, а обыватели в послеобеденный сытый час не спешил выглядывать из окон... Алекс Розенблум, молодой гинеколог, как раз возвращался от патронируемой роженицы, и наткнулся во дворе на молодого человека, потерянно сидевшего в сугробе и неудобно вывернувшего повреждённую ногу... Помочь доковылять до служебного мобиля, уложить на сиденье, обезболить, обеспечить

ноге покой оказалось минутным делом, доставить в клинику на углу – ещё быстрее. А после выяснилось, что у наващавшего Робина в больнице спасителя есть превосходные разработки по кровезаменителю, и когда Эрих Мария попал в беду – именно опытные партии заменителя крови редчайшей группы спасли брата короля от неминуемой, казалось бы, гибели...

Сложно, да? Однако порой Провидение выбирает на редкость извилистые пути.

Вынужденная диета на Коре вынудила Робина частенько заглядывать на кухню отеля. Где он и стал однажды невольным свидетелем – к счастью, ещё и незримым – подкупа повара, подсыпавшего яд в утренний кофе для герцога Авиларского. А обронённый из окна голову молодого человека цветочный горшок привлёк внимание полицейского – и, вознамерившись провести дознание, он застукал в мансарде, откуда, собственно, и свалилась герань, шайку начинающих папарацци, среди которых затесался снайпер. А ведь по этой улице на следующий день должен был проехать королевский кортеж...

В общем, такое чудо герцог предпочитал держать при себе. Хотя и бомба, хоть и в любой момент могла рвануть ... а всё же под присмотром. Но главное – польза.

Ведь если минусы существенно перебиваются плюсами – это же польза?

Хорошо, что сам секретарь не знал о подобных рассужде-

ниях босса. И несчастья, сыпавшиеся на свою голову, воспринимал стоически: ведь с живым человеком всегда что-то случается...

Получив очередное задание, он схватился за голову, перенёс на сутки встречу босса с адвокатами, занимавшимися бракоразводным процессом, оповестил о невозможности визита его светлости на раут маркизы Вендзорской, и только тогда связался по переговорнику с управляющим «Солнечного янтаря».

Тот живенько перекинул его на администратора – вернее сказать, администраторшу, лично встречавшую высокую гостью и проводившую в отведённые апартаменты. Анна, как звали молодую женщину, попав под целый град вопросов, поначалу даже растерялась, из чего Робин заключил, что девушка, скорее всего, не слишком опытна, на администраторской должности недавно, к постоянному общению с важными клиентами непривычна, а потому – сбавил темп и перешёл на менее официальный тон. Это подействовало.

Ещё раз, медленно и обстоятельно, он представился, а заодно и предложил Анне заглянуть в справочник номеров и связаться с приёмной герцога Авиларского, чтобы убедиться, что с ней говорит не какое-то подставное лицо, вознамерившееся вытянуть информацию. По растерянному ответу понял, что девушке такой вариант и в голову не пришёл бы... Совсем зелёная, отечески качал головой Робин, дожидаясь ответного звонка.

Привычным жестом активировав устройство, взглянул на экран и подавил разочарованный вздох. Сегодня связь только голосовая. Жаль. Голосок у Анны, успокоившейся и переставшей трястись от страха, оказался чудесным.

– Как она выглядит? – проямлила. – Ну... Ммм... намного старше меня... Очень намного. Не старуха, конечно, но всё же...

Девятнадцатилетней девушке, оказавшейся на столь ответственной должности совершенно случайно, в попытке заменить приболевшую мать, Варвара и впрямь казалась немолодой.

– Немного грузная. Экстравагантная...

Это ей припомнилась Варина юбка-брюки, напяливать которую, по мнению юной девушки, дамам в возрасте было просто смешно.

– Крашенная...

Разумеется, блондинистые от природы чудесные волосы приезжей могли быть только следствием обесцвечивания, ведь в Илларии было так много поддельных блондинок, что почти забыли о существовании настоящих!

– Ой, очень шумная...

– Скандальная? Конфликтная? – попытался уточнить секретарь.

– Нет, только всё говорит, говорит...

Разумеется, очарованная красотами номера и открывающихся из окон видов, Варя болтала и восхищалась без умол-

ку. К тому же, огромная ванная комната оказалась полна загадочных механизмов в душевой и массажной, и вызвала целый град вопросов.

Робин задумался.

Что-то в этом описании его смущало. Похоже, у его собеседницы был не слишком богатый словарный запас, и она затруднялась с характеристикой приезжей дамы.

– Вот что, Анна, – сказал он солидно, подумав. – Давайте-ка мы с вами встретимся, и вы сами покажете мне вашу гостью. А уж я отрекомендую её герцогу, а то какой-то у вас словесный портрет... несколько расплывчатый. Я прибуду к половине шестого.

– Но у меня... – робко заикнулась собеседница.

Великие Небеса, ей и надо-то было продержаться на этом посту всего день, а завтра, как она надеялась, мама найдёт себе опытную замену.

– У меня рабочий день до семнадцати-ноль-ноль, – пискнула она.

– Ах, дорогая моя, – тоном заматеревшего на государственной службе орла попенял ей Робин. – С этими высокопоставленными особами никогда не предугадаешь, где заканчиваются обязанности и начинается личная жизнь. Считайте, что я пригласил вас на свидание. Так будет легче.

Ему показалось, что Анна перестала дышать.

– Вы? О... Я! Так свидание или деловой разговор? – пролепетала она.

Робин засмеялся.

– Деловое свидание. Мы препроводим почтенную матрону прямо к столику нашего босса – и я буду иметь честь пригласить вас на ужин. Согласны?

– Да! – задохнулась от восторга администраторша. Будто её никогда в жизни не приглашали на свидания. Впрочем, возможно, так оно и было.

«Барлоговы веники!» – с удовольствием подумал секретарь, подражая своему боссу. «А есть в этой связи вслепую что-то... пикантное. Какой у неё, однако, милый голосок!»

Глава 12

Впервые за много лет Варвара Пална была счастлива безусловно.

Впрочем, при её лёгком характере подобное состояние накатывало на неё частенько, особенно после сорока, особенно, когда после какого-нибудь не слишком весёлого события начинаешь, как никогда, ярко воспринимать жизнь и ценить каждое мгновение. Но, как правило, такое обыденное счастье скоротечно, и довольно быстро заглушается повседневностью. А главное, что оно условно. Недолговечно. И ты заранее об этом знаешь.

«Ну, вот, школу закончили, можно и порадоваться немножко, пока не пришла пора подавать документы в ВУЗ!» «Ну, вот, годовая отчётность сдана, теперь до квартальной отвалите от меня все с вашими расчётами и налогами!» «Отпуск? Дожила, слава те, Господи! Правда, дела оставить не на кого, придётся потом месяц допоздна на работе сидеть ... Зато прямо сейчас отдохну».

В этот раз счастье торжествовало, без оглядок на возможные угрозы из будущего. Оно казалось стабильным и вечным, как нашим папам и мамам, а у кого-то – дедушкам и бабушкам, казался социализм. Это было прекрасно.

Всё, буквально всё, предсказанное Эрихом Марией, во-

плотилось наяву. И свежевыловленные султанки и кальмары, шипящие и плюющиеся соком над угольями, и ласковые морские волны, удерживающие тело в невесомости на плаву, и гамак с подушками под пальмами, и кофе с кокосовым молоком, и гигантские креветки, зажаренные на шпажках, и чудесный массаж, после которого чувствуешь себя Клеопатрой и царицей Савской одновременно.

И, разумеется, восхищённые взгляды мужчин и неприкрыто враждебные и неприязненные – женщин. Последние, как ни странно, тоже грели душу. Ого, если *так* обозлётно косятся – значит, есть ещё в Варваре нечто, изюминка, которой им хронически не хватает, бедным, иссушенным злостью и диетами... Впрочем, диеты, скорее всего, первичны, а от них, как следствие, всё остальное. А вот Варя – с удовольствием уписывала и рыбу, и креветок, и моллюсков – в раковинах ли, головоногих ли, но только вкуснейших до одурения! И пребывала в восхитительнейшем состоянии духа.

Причём, страшно и хронически голодной. А что вы хотите: купание на свежем воздухе, энергичные массажи, снова купание, загар, прогулка по пляжу, купание, общение с местными барышнями, осваивающими земной пляжный волейбол... Ах, какие на них были прелестные ретро-купальники, с штанишками чуть выше колен и юбочками, и легчайшие балетки на лентах, перевивающих икры крест-накрест! Целомудренные пляжные костюмы казались верхом эротизма и доказывали древнюю истину: чем более закрыто тело – тем

большой простор для воображения.

...Не удивительно, что к половине шестого вечера из-за нагулянного и накупанного аппетита Варвара готова была грызть сухарницу, из которой успела всё перетаскать, дожидаясь встречи с пресловутым племянником-гидом по столице. Ей достался столик с прекрасным обзором на бухту, закат и часть горного хребта, спускающегося к морю, а заодно и полнёхонькая (до Вариного прихода) ваза поджаристых белых сухариков, присыпанных крупной солью. С голодухи, да и из любопытства она заявила на Западную террасу на полчаса раньше: осмотреться, обвыкнуться и... попробовать вычислить из числа присутствующих того самого загадочного Эриховского протеже, который взял на себя обязательства нянькаться... то есть опекать её весь вечер.

Ха, неужели вызвался добровольно! Опекать скучную старую тётку! Варвара прекрасно помнила, как обращался Эрих к родственничку: «Мальчик мой...» Да ещё случайно проговорился, что, мол, «этот балбес от безделья опять разводится, вот пусть и займётся хоть чем-то, отвлечётся»... Всё ясно. Её ждёт встреча с очередным избалованным «золотым мальчиком». Ну, да видали, справимся.

Она попросила лёгкий безалкогольный коктейль, предварительно дотошно попытав официанта о составе – не хотелось неловких ситуаций, вызванных перебором спиртного, да ещё на жаре. Да ещё в компании какого-то юнца... И теперь, не торопясь, потягивала из трубочки ледяную смесь с

клубничным соком и имбирём, и, выглядывая из-под широких полей шляпы, изучала местную публику.

Хорошо, что милая и разговорчивая горничная из чудо-поезда заблаговременно предупредила: буде ценьоре взбрѣдѣт в голову отдыхать на море, пусть не забывает, что правила приличия здесь несколько строже, чем на земных пляжах. Даже в простенькие кафе, чтобы полакомиться мороженым или выпить чашечку кофе, заходят одетыми: никаких купальников и парео! Уж таковы местные условности. Впрочем, определённая вольность в туалетах – укороченность подолов, например, разрезы, полупрозрачность тканей – вполне допустимы. А потому – сейчас Варвара красовалась в матросском костюмчике, удивительно ей шедшем, а белоснежные бриджи с жемчужными пуговками на манжетах чуть ниже колена вызывали завистливо-злые вздохи прекрасной половины местного населения. «Золотой молодёжи» среди них не попадалось, а из присутствующих дам постарше мало кто рисковал надеть брюки. То, что приемлемо на морском берегу, здесь, среди столов, хрустящих накрахмаленными скатертями, казалось им, по всей вероятности, немыслимым.

Эх, консерваторы!

Ну и пусть их, хмыкнула Варвара. Зацепила крохотной шпажкой клубничку из коктейля, со вкусом причмокнула губами – и подмигнула мраморному купидону, парящему над террасой на высоком пьедестале и с шаловливой улыбкой

прижимающему пальчик к губам.

Жаль только, что, отвлекшись на изучение здешней мужской сборной, она не успела увидеть, да и для всех остальных это событие осталось почти незамеченным – как, вжикнув, сорвалась с купидонской тетивы золотая стрела. А уж куда она улетела – этого сперва не поняли даже те, кто её направил. Но цели своей она достигла.

А дело было так.

Да, «золотой молодежи» здесь и не пахло. Она, видите ли, сама на нюх не выносила Западную террасу, потому как, по их мнению, там «заседали одни старпёры», если не донимавшие наставлениями, то злостно шушукающие и кидавшие сурово-злобные взгляды. Осуждали, значит, со всех сторон, будто сами так и родились шестидесятилетними. Мало того, что злословили – могли и предкам этой самой «молодёжи» на следующий день настучать по дружески, чем занимаются их наследники в частые часы досуга... Оттого-то юношеские тусовки проходили на террасе Восточной; некоторые, особо романтические и продвинутые юнцы, видели в том своеобразный символизм: дескать, закат – для угасающих, восход для приходящих; так давайте, пока молоды, веселиться до самого утра, встречая солнце!

И веселились.

Право же, официантам этой части отеля никто из обслуживающего персонала не завидовал.

Вечер только начинался, но некая компания молодых лю-

дей завалилась сюда уже в изрядном подпитии. И надо ж тому случиться, что среди них затесалась одна продвинутая деваха, любительница земного чтива, которая возьми и брякни, что среди такой же земной «золотой молодёжи» была когда-то дурацкая, но прелестная игра – фанты. У всех участников бралось по вещичке, один, ведущий, поворачивался к ним спиной, а его помощник выбирал любой предмет и спрашивал: что бы такого забавного сотворить владельцу этой хрени? И избранный придумывал задание-фант, чем глупее, тем интереснее, потому что сказанное, хоть тресни, но надо было выполнить. Самый интерес в том, что среди предметов могла быть штучка самого избранного, ха!

Разумеется, компания повелась на новое развлекалово.

И уже через пять минут один из официантов вынужден был в мужской уборной смывать усы, нарисованные, хвала Небесам, горчицей, а не жгучим соусом чили. А ещё двое его товарищей на цыпочках бежали за жертвой следующего фанта, которому досталось задание, уже не столь безобидное: заставить известного всем в «Янтаре» купидончика выстрелить! Да куда угодно, хоть в небо... Если стрела у него настоящая, и, поговаривают, тетива тоже – пусть стрельнёт хоть разок!

Перехватить молодого человека, пошатывающегося от ранее выпитых коктейлей, но страшно гордого, мастера подносов и салфеток так и не решились – это был сынок самого управляющего отелем. Но проследить – под предлогом, как

бы чего с юношей не случилось – смогли. Один даже довольно ловко и вовремя подставил собственную спину, на которую наследничек управляющего и взгромоздился. Согбенный официант не мог лично отследить успехи бездельника, оттаптывающего его плечи, но углядел выражение ужаса на лице товарища... Молодой хлыщ на его спине, дотянувшись до тетивы, сумел-таки её оттянуть, не замечая, что купидонова стрела дрогнула – и нацелилась остриём прямо в зал, в толпу...

Всё, что мог сделать бедолага в форменном пиджачке, поняв, что вот-вот произойдёт непоправимое – резко выпрямиться. И завалиться вместе с молодым идиотом на пол.

Тот, прежде чем упасть, в попытках удержаться потянул на себя тетиву ещё сильнее – и, наконец, рухнул. Отчего сверху его не прихлопнуло самой скульптурой – непонятно, разве что та оказалась накрепко закреплена на пьедестале. Затрясшись от дёрганий молодчика, стрела вжикнула куда-то вверх... но окружающих сейчас занимало совсем иное зрелище – куча-мала на полу, у подножья статуи с мальчиком-купидоном.

... К тому времени Робин Эссен, секретарь пятого герцога Авиларского, мысленно наградив нелестными эпитетами всех легкомысленных администраторш, от безысходности созвонился с боссом и перечислил ему те приметы новой родственницы, что имелись. Клятвенно заверив, что вот ещё три минуты... или пять – и он перехватит за ухо нера-

дивую барышню, склонную опаздывать, разыщет с её помощью тещу принца Сигизмунда и представит герцогу лично. На что последний тоном мученика ответил, что лишних полчаса-час роли не сыграют, вечер всё одно потерян. И пусть парень не волнуется, а делает своё дело; сам же он, как почти опять холостяк, поглазеет пока на цветник, собравшийся в «Янтаре»: вдруг среди надоевших морд мелькнёт кто-нибудь, да свеженький...

Как раз в этот момент герцог обводил взглядом жующую и пьющую публику, пытаясь с ходу угадать Сигизмундову тещу. Барлоговы веники, убил бы этих модельеров, возведших в культ ходящие мощи! Не знаешь, с женой спишь, или с зомби... Да и тут, куда не кинь взгляд – худощавенькие, худышки и просто тощие: ключицы вот-вот прорвут кожу, зато в изобилии дутые косметической магией губы, дутые груди, дутые формы...

И вдруг Кристофер увидел Её.

Женщину.

Прелестную пышечку в матросском костюмчике, мечтательно уставившуюся на закатное солнце и улыбающуюся... не кому-то, не со значением, а Просто Так. Потому что ей хорошо.

И неважно, что была она, пожалуй, его ровесница. Немногие девушки могли похвастаться такими сияющими глазами... просто лучистыми!

Шляпа, эта обязательная блюстительница честного име-

ни любой дамы, небрежно валялась на соседнем стуле. Прелестные белокурые волосы, не изуродованные ни щипцами, ни «натуральной» укладкой, ерошились тёплым ветром, что, очевидно, чрезвычайно нравилось пышечке, так как после каждого дуновения она блаженно жмурилась. Хорошенькая маленькая ножка легкомысленно подбрасывала под столом босоножку, и само это действие показалось вдруг Кристоферу преисполненным сакральности и... эротизма.

Спохватившись, что секретарь ждёт ответа, он поспешно обронил в переговорник:

– Всё, дружище, не торопись и не тревожь меня, я занят.

И решительно направился атаковать Настоящую Женщину.

...Робин вздохнул с облегчением: босс отвлёкся! И бросил отчаянный взгляд на гостиничный холл, в котором кроме него самого, портье и какой-то милой девушки, только что подошедшей, да ещё двух посыльных никого не было.

И тогда-то произошло сразу несколько событий.

Девушка, что-то выяснявшая у портье, обернулась... и свет в глазах герцогского секретаря померк. Он увидел самое очаровательное в мире личико, с бархатными глазами газели, очаровательным прямым носиком, высокими скулами... Очень расстроенное личико.

Которое, по всей вероятности, его-то сразу узнало, уж каким чутьём – неизвестно.

– Господин Робин! – в отчаянии вскричало оно... то есть,

девушка. – Простите меня, я перепутала террасы!

– Анна? – в потрясении прошептал секретарь, узнав дивный голосок.

Почти в тот же момент в одно из распахнутых окон холла что-то стремительно влетело, вжикнув – и полыхнув на свету, будто молнией. Машинально Робин скосил глаза. Как раз для того, чтобы увидеть, как сверкающее нечто перерубило трос рабочего потолочного вентилятора, зависшего над стойкой портье.

Мир застыл и наполнился прозрачным угарным газом, сквозь который было невероятно трудно двигаться. Мгновенья исчезли. Осталось недоумевающее личико, лишь поднимающее глаза к потолку, и медленно рушащаяся прямо на него Смерть... Робину показалось, что икры свело судорогой – в таком неистовом прыжке бросил он вперёд своё тело. Потом ему скажут, что, не оказавшись рядом свидетелей, в его подвиг никто бы не поверил: одним махом пересечь расстояние от входа до стойки, метров шесть – это же сверх возможностей обычного человека! Но тогда он не думал ни о расстоянии, ни о возможностях, просто прыгнул – и сбил с ног прекрасного оленёнка, отбросил далеко-далеко, а потом и прикрыл собой... И только тогда смог выдохнуть, а где-то за его спиной загрохотала рушащаяся стойка. Хорошо бы, портье успел отскочить.

Оказывается, успел. И теперь орал на посыльных, чтобы те немедленно вызывали медиков, пожарных, полицию...

«А медиков-то зачем?» – хотел он спросить и увидел, как растекается под ним красный ручеек. Скосил глаза на подозрительно мокрое плечо. Рукав пропитался кровью. Свезло ему на этот раз фантастически – не порезало, не измельчило, а, похоже, всего лишь чуть задело лопастью. Стойку же разнесло в щепки.

...В это же время герцог замер на полпути к прекрасной незнакомке. Покосился на суету, возникшую вдруг у дверей в холл, вновь извлёк переговорник. К чёрту чужую тещу, когда его ждёт такая Женщина! Да-да, именно *его* она ждёт, просто пока об этом не знает. Но он честно ей всё объяснит. Сразу. Только сперва пристроит неизвестную родственницу в хорошие руки.

... – Робин!

Это Анна в отчаянии трясла секретаря, уткнувшегося носом в пол, за плечи.

Всё ещё в шоке, не чувствуя боли, он повернулся на спину, нашарил переговорник, вибрирующий в кармане. Дело прежде всего.

– Эй, парень, – заорал Кристофер, – я тебя не слышу! Ты встретил её?

– Да, – прошептал секретарь в полной прострации, глядя в глаза оленёнка-Анны. И очнулся: – Да, встретил. *Её*. Босс... можно, я с *ней* останусь?

Похоже, герцога эта просьба озадачила, но ничуть не огорчила.

– Серьёзно? Дружище, ну, ты меня выручил! Вот что я тебе скажу: хватай её под руку и веди, куда хочешь: развлекай, показывай город, таскай по значным местам... Благоговляю. Не стесняйся. Всё за мой счёт.

– Бла-го-да-рю, – замедленно ответил секретарь. И, оторвав себя от пола, кое-как уселся. Дёрнул за галстук.

– Помогите снять, – попросил Анну. – Надо бы жгут; кажется, кровь всё ещё идёт...

Дрожащими руками она перетягивала ему плечо и приговаривала:

– Я вас не брошу. Не бойтесь. Только не бойтесь...

– Анна, – прервал он её. – Вы пойдёте со мной в синематограф? Полная имитация земного кино прошлого века: чёрно-белая фильма, музыка под разбитое пианино...

– Вы с ума сошли, – шёпотом отвечала она, – это же страшно дорого! И потом, вам нужно в больницу!

– Только вместе с вами. Сперва в больницу. Потом в синематограф. А потом в мэрию...

– Она уже закрыта, – прошептал оленёнок и запунцовел.

– Попросим, чтобы открыли. Мой босс платит. Согласны?

– Это так... неожиданно, – пролепетала Анна. И опустила глаза. – А как же маменька? Мы должны испросить благословения!

И никто из них, поражённых осколками купидоновой стрелы, даже не вспомнил в ту минуту, из-за чего, собственно, или, вернее, из-за кого они тут встретились.

Глава 13

Краем глаза Варя заметила, что к столику кто-то подошёл, но поначалу решила, что это официант. Однако служители общепита не подсаживаются к клиентам и не выдерживают долгую паузу...

«Чёртов племянничек», – с неожиданным неудовольствием поняла она. «Отыскал-таки... Трать теперь время на этого молодого балбеса. Поди, и не знает, что такое – взрослые разговоры!»

Она покосилась на мужчину напротив – и широко открыла глаза.

Красавец. Мачо. Блудодей. И всё это – крупными буквами во всю улыбающуюся обаятельную физиономию.

Но, слава богу, не племянничек!

Варе вдруг стало весело. Ну и пусть блудодей, да ещё, наверняка, со стажем, судя по хитринке в лукавых глазах. Ох, а борода-то, борода отрастающая до чего хороша!.. Зато самый смелый. Единственный из плотоядно глазающих на неё полдня, кто просто взял и подсел. С явным намерением познакомиться.

– Прекрасная цензора кого-то ожидает?

А голос-то, голос! Так и мурлычет, котяра, вот-вот об ногу потрётся...

– Ценьора ждёт. Молодого оболтуса, который, по-видимому, не понимает своего счастья. – Она лучезарно улыбнулась. – А вы, ценьор?

– А я, к счастью, не дождался: мою почтенную матрону довольно ловко у меня увели. – Блудодей счастливо рассмеялся. – А знаете, что я вам скажу, ценьора? Наверняка это судьба. Спорим, что вы не дождётесь своего молодчика?

– А давайте! – загорелась Варя. – На что?

– На желание! – азартно выпалил блудодей. – Абсолютно невинное, приличное, но интересное. Пари?

– Пари!

Пожатие у Настоящей Женщины оказалось крепким, хватка – медвежьей, что восхитило и умилило герцога ещё больше. Нет, что за дуралей его секретарь, как он мог запасть на престарелую красотку! Или она ещё ничего? Но... вздор. Рядом с такой Женщиной, что чуть не сплющила его ладонь, о других не думают.

– Может, пока перекусим? – предложил. – Не знаю, как ценьора, а я зверски голоден!

Он щёлкнул пальцами, и официант материализовался тотчас, словно из воздуха.

– Счёт на двоих, – посерьёзнев, обозначила Варвара Пална свои суровые рамки. Но непрощенный гость укоризненно покачал головой:

– Да полно, ценьора, за что вы так уж? Не разорит меня... – Он на несколько мгновений задумался, небрежно отодви-

нул меню и распорядился: — ...марсальский рыбный супчик, крабы, запечённые в сливках с сыром и... Да что-нибудь по простому, вроде осетрины на вертеле. Найдётся, дружище?

Официант сверкнул улыбкой и безукоризненным пробормотом.

— Разумеется, цензор! К супу какие изволите гренки?

— С чесночком, но не сильно выраженным: так, слегка натереть...

«Боже, есть, оказывается такие мужчины!» — в ошеломлении думала Варя. «В жизни не ела осетрины! Вернее, только раз, да и то не помню вкуса...»

— Вино? — осведомился официант.

И оба посмотрели на Варю.

— Пиво! — твёрдо сказала она. — Тёмное. Нефильтрованное. Бархатное. В бокале.

Блудодей уронил вилку и восторженно закатил глаза.

— Барлоговы веники! Есть на свете такие женщины, есть! К чёрту вино, дружище, мне того же самого, и тоже только бокал, я за рулём.

По видимому, служитель ресторанного культа привык ничему не удивляться, даже варварству со стороны клиентов. Пиво под осетрину? Их дело, они платят... Откланявшись, он исчез так же загадочно, как и появился до этого. Но через доли секунды вернулся с подносом, уставленным фарфоровыми креманками. Пояснил:

— Дабы цензоре со спутником приятно скоротать время в

ожидании обеда!

– О! – восторженно выдохнула Настоящая Женщина. – Потрясающе!

Её незваный гость, похоже, млел от неземного удовольствия.

– Рад, что вам здесь всё так нравится, цензора..?

– Ммм... – Набив рот мороженым, Варя ловко выдержала паузу, чтобы подумать, и, проглотив нежнейший пломбир, выдохнула:

– Хильда!

– Превосходно! – отчего-то обрадовался блудодей. – Как это чудесно! Никаких тройных имён, о которые язык сломаешь, никакого подтекста и мифологии...

– А вы... цензор?.. – Варе удалось ловко передразнить соседа.

– Робин! – ответил он без запинки, честно глядя в глаза. – Просто Робин.

«Ну-ну», подумала Варя. «Плавали – знаем!» Но образ любимой пин-апной красотки, весёлой пышечки Хильдушки, пришедшей внезапно на память, вызвал у неё приступ неконтролируемого веселья, и она так и не высказала сомнения вслух. Да и к чему? Сама-то она зашифровалась, так что... квиты!

«Да, конечно, просто Хильда, так я и поверил» – мысленно фыркнул герцог. «Без всяких там «фон» и «де» или «дю» к фамилии... Попала бы ты сюда так запросто! Однако ува-

жим инкогнито дамы. Сам-то я, скотина, сшельмовал!»

Они обменялись ехидными взглядами – и поняли друг друга без слов. Но, впрочем, к чему объяснения? Какая-то тонкая, но прочная незримая нить уже протянулась между ними, и пока за весёлой пикировкой их слова пересыпались, как бисер из контейнера в контейнер, на полотне жизни уже укладывались стежок за стежком, обещая со временем нарисовать удивительнейшую новую судьбу, и, как знать, не совместную ли? Хотя бы и ненадолго...

Пожилой цензор, наслаждающийся чашечкой кофе с перцем и шоколадом, проводил взглядом проплывающее мимо блюдо с одуряюще пахнущим супчиком и потёр мочку уха, активировав при этом крошечный переговорник.

– Приветствую. Да всё в порядке, Эрих. Встретились, познакомились, обедают. Похоже, они в восторге друг от друга. Нет, мне не в тягость, я хоть и на отдыхе, а размяться иногда приятно. Снять наблюдение? Точно? А то за этими двумя следить одно удовольствие... Хорошо, дружище, понял. Присмотрю издалека.

Глава 14

– Фантастика! – простонала Настоящая Женщина после первой же ложки супчика. – Теперь я верю Саше Чёрному, который сравнивал настоящий марсельский буйабес с Лунной сонатой! М-м-м...

Надо было видеть, как она осторожно вытягивает губы дочкой, чтобы не обжечься, как по-детски украдкой дуёт на горячий бульон, как ей вкусно, Барлоговы веники! Если бы даже Кристофер появился сюда сытым после званого обеда – она так аппетитно ела, что невольно хотелось того же, и так же: вылавливать из тарелки кусочки разной рыбы и с удивлением узнавать, что вот это морской дракончик, вот это барабулька, кефаль, скорпена...

– А вот это, – не удержался он от очередного откровения, так ему нравилось её удивление, – это шейка омара, без которого этот самый суп – не суп, а вовсе недоразумение. Кстати, что это за тип такой – Саша Чёрный? Почему не знаю?

– Наш земной поэт. Эпохи Серебряного Века поэзии, удивительный словесник... Так вот, он как-то заметил: «Буйабес должен быть таков, чтобы не хотелось ни китайских орешков, ни леденцов-сосулек, ни фисташкового мороженого...» Большой знаток прованской кухни был, знаете ли.

В голове у герцога звякнул тревожный звонок.

– Так цензора с Земли? – спросил вроде бы беспечно. – И надолго к нам?

Вроде бы и приватность соблюл, не запрашивая напрямую имя, и почву прощупал.

– Дня на три, – легко ответила его новая знакомая. – Дела, выражаясь высоким слогом, требуют моего личного присутствия на родине. Да и здесь за это время не успею никому надоест. Знаете, как у нас говорят? Гостям радуются дважды: когда встречают – и когда провожают.

Герцог от души рассмеялся.

Да ну, к чертям, какая она Сигизмундова тёща? Во-первых, и в основных – ни одна баба в здравом уме и в твёрдой памяти, заполучив в качестве новоявленного члена королевской семьи бездонный денежный мешочек, не откажется халявно пополнить запасы мехов и драгоценностей, и уж делать она это станет обстоятельно, долго и со вкусом. Не три жалких дня, а хорошо, если за месяц-другой насытитесь... Во-вторых, что могло бы стать и первым – *эта* Настоящая Женщина никоим образом не подходила под недавно перечисленные секретарём приметы. Правда, излагал он их как-то неуверенно... но ведь сам отрапортовал, что встретил оную даму и даже не прочь заменить его, босса, в качестве гида. Всё. Прочь сомнения. Прекрасная Хильда, дивная Таинственная Незнакомка, Настоящая Женщина – его, и только его.

Три дня? Ерунда. Если между ними сладится – он уломает

её или задержаться, или приехать ещё.

Дела, надо же... У неё дела! Неужели бизнес? Нет, умная женщина – это нечто!

Через полчаса они были уже на «ты».

...С каждой минутой, как человек наблюдательный, Варвара убеждалась, что обаятельный блудодей явно шифрует-ся. Но разве что для неё, в которой, возможно, разглядел приезжую или впервые посетившую это местечко; а вот для завсегдатаев личность её неожиданного знакомого загадки не представляла: она то и дело ловила бросаемые в их с «Робин-ном» сторону заинтересованные взгляды. В какой-то момент ей даже показалось, что один из лощёных господ, прямо та-ки лорд Чарльз из Моэмовского «Театра», попытался про-извести какие-то манипуляции с мобильником... Ах, да, тут эти устройства называют «переговорники», и принцип рабо-ты у них основан на применении техномагии... Но тотчас к нему подлетел официант и вежливо, но непреклонно что-то прошептал. Скуксившись, лорд припрятал устройство. Оче-видно, под табу здесь, среди элитной публики, попадало не только курение, но и съёмка. И правильно!

С другой стороны, было бы неплохо в завтрашней хронике глянуть, с кем это она сейчас так романтично ужинает...

Но вдруг этот ловелас и проныра – настоящий кошмар для общества, и своей связью с ним она скомпрометирует всю королевскую семью? Мысленно Варвара Пална усмехнулась. «Связью...» И тотчас пришло иное озарение, от которого в

животе так и зародилась тёплая волна: а ты что же, голубушка, думаешь: он тебя тут зря, что ли, окучивает? Конечно, вызывает на...

Секс. Честное слово, секс. Если называть вещи своими именами – впереди у неё замаячил не банальный курортный роман, не пошлая интрижка, а... возможно, фееричная ночь. То, что она может оказаться простенько-пошлой, бояться не приходилось: интуиция так и вопила, что блудодей с брутальной бородкой выдумщик ещё тот.

Варвара Пална никогда не кривила душой – ни перед другими, ни перед самой собой. Вот и сейчас: она посмотрела прямо в лукавые карие глаза с прищуром, ласковым взглядом прошла по бородке – и сладко поёжилась, представив, как та защекочет её обнажённую кожу...

И решила: хочу!

Вот этого. Прямо сейчас. Немедля.

Укуси меня пчела! (Варя с недавних пор очень привязалась к этому выражению любимого Копатыча...) Укуси, если он мне не нравится! А я – здоровая сильная женщина, мне до климакса, слава те, господи, ещё пахать да пахать, а инстинкты-то тоже здоровые... После Ильи ведь лет десять никого не было, а потом раз несколько... именно что раз. И опять затишье. Одноразовые какие-то кавалеры попадались, пустышки, да без фантазии. Может, и правы психологи, говоря о «синдроме Дона Жуана», что многобабство – всего лишь попытка поднять самооценку, а на самом деле мужик,

то и дело меняющий пассий, в постели чаще всего оказывается... посредственностью?

Уже хмуро она глянула на блудодея.

Вот сейчас она раскатает губы на феерию чувств – а та окажется очередным пшиком.

– Всё-таки не пришёл, – сказал тот сочувственно.

«Что? Кто?» – чуть не ляпнула Варя. Но вовремя сообразила, что речь идёт о её предполагаемом проводнике по Илларию – том самом «золотом мальчике», которого она и впрямь так и не дождалась.

– Гад и сволочь, – отозвалась в сердцах. – Слово надо держать, а он... Хорошо, что я тебя встретила!

Вот этого, наверное, не стоило говорить, но слово – не воробей. Она-то всего лишь подразумевала, что не пришлось бы скучать последние полчаса; а вот Робин – тот понял иначе. И засиял, как серебряный доллар.

– Я выиграл наше пари, и теперь ты должна мне желание!

Варя неуверенно хмыкнула. Но то, что он не заявил самоуверенно: «Ты проиграла!» – а всего лишь скромно отметил собственный успех, ей, положив руку на сердце, понравилось.

Чем чёрт не шутит...

Он наклонился к ней через стол:

– Ну, что, загадываю?

И подмигнул.

А вдруг и впрямь выйдет что-то незабываемое? В конце концов, самое тяжкое, что она заполучит – очередное разо-

чарование. С ним она уже научилась бороться. Но вдруг – фейерверк?..

– А давай, – лихо сказала она.

Решено. Беру.

– Покатайся со мной! – выпалил он. И счастливо засмеялся. – Что? Я сегодня впервые выкатил своего «Единорога», а покрасоваться на нём не перед кем, представляешь? Вот облом! Едем?

Вот это, что называется, творческий подход! С явным подтекстом – умчать потом...

Да неважно, куда. Не в тундру же!

Варвара Пална тряхнула головой.

– Едем!

И пока заламывала на шляпе поля по-ковбойски – обратила внимание, как небрежно её кавалер провёл карточкой с золотым обрезом по устройству, услужливо протянутому официантом. И чаевые, несколько купюр, тоже заметила. Что ж, судя по всему, её кавалер не скупердяй, и, будем надеяться, на маньяк... Ой, нет, пусть будет маньяк, но только в определённой области – поцелуйно-ласкательной, например. Если так и окажется – она сама его изнаси... совратит, в общем-то.

Ей вдруг страшно захотелось спросить: «А как у вас тут с сексом?» В самом-то деле, не ожидать ли ей чего-то пуританского после зрелища целомудренных купальников на пляже и нравов, напоминавших эпоху первых автомобилей?

Но потом она здраво рассудила, что даже в викторианском обществе «закрывать глаза и думать об Англии» предписывалось только благонравным жёнам, а вот любовницы и умелые куртизанки – сиречь женщины опытные – были, есть и будут во все времена. А уж если ей представится нынче повод... о, она не станет изображать из себя недотрогу! Вперёд, мадам! Знойная женщина, мечта поэта, непревзойдённая чемпионка по пляжному волейболу – нынче все блудодеи твои!

Она лихо нахлобучила шляпу.

– Вперёд!

Губы её совратителя сложились в усмешечку.

– И цензора не боится... – вновь, как при знакомстве, муркнул он, – что её завезут незнамо куда?

– Цензора может и сама завезти...

... «а потом цинично надругаться и бросить»...

Конечно, вслух она этого не сказала, лишь подумала, охваченная каким-то угарным азартом. Но губы её похитителя задрожали, словно от еле сдерживаемого смеха.

Он предложил ей руку.

И под завистливые взгляды мужчин и змеиное шипение женщин, они покинули Западную террасу.

«Чепец за мельницу!»⁴ – крутилось в голове у Варвары Палны. – «Во все тяжкие! Эх, оторвусь, за всю жизнь оторвусь! Не заморить бы блудодея-то...»

⁴ Старинное выражение, в немецком языке означающее приблизительно «Забыть об осторожности, пуститься в разгул...»

Глава 15

Глаза Настоящей Женщины округлились в благоговейном восхищении. Она даже за сердце схватилась.

– Боже, какой красавец!

Бац! Укол... да нет, удар копьём в самое сердце! Пятому герцогу Авиларскому вдруг стало нечем дышать, как после коварнейшего хука в солнечное сплетение. Да и зрение что-то помутилось... Помотав головой, он осознал: это просто глаза заволокло красным туманом. Туманом ревности.

Барлоговы веники! Как она может в его присутствии восхищаться кем-то иным!

– Это он и есть? – продолжила с восторгом неверная, взирая куда-то за его плечо. И Кристофер, кляня всех женщин-изменщиц на свете, медленно обернулся.

Поначалу он не понял... Где? Кто? Кому бить морду?

С покатога выезда из ангаров отеля, не спеша? разворачиваясь по дуге и демонстрируя в свете лампионов и отгорающего солнца то воронёный, как у старинного огнестрела, бок, то матовую, будто поглощающую блики черноту капота, то фигурку белоснежного единорога, зовущего за собой, подобно деревянным драконьим головам на первых кораблях, к ним бесшумно снисходил... его мобиль. Величественный, как король, изящный, как аристократ в десятом поко-

лении, и в то же время способный лететь, как стрела, таранить, как онагр, рассекать морские буруны. Его мобиль. Его гордость, сотворённая в единственном экземпляре, штучная работа лучших мастеров своего дела. Его «Единорог»...

– Д-да, – с запинкой ответил он, запоздало сообразив, что... Барлогов. Да ведь это он ей понравился, «Единорог»!»! Вот от кого, вернее, от чего в восторге эта Женщина!

Кажется, у Кристофера ослабли колени. Похоже, он только что всерьёз...

Да-да, взревновал.

Не может быть! Да он с глубоким пофигизмом встречал известия об изменах жён и одноразовых возлюбленных, да и с очаровашкой Хильдой не рассчитывал пока не большее, чем... Нет, не на одну ночь. Но и не на длительные отношения, к ним он пока не готов. Однако было бы неплохо закрутить роман... Классический вкусный роман, полный сюрпризов и открытий, возможно – длительный, такой, о котором он потом со стопроцентной вероятностью ни за что не пожалеет, да что там – оба сожалеть не будут... Но ведь они взрослые самодостаточные люди, и однажды пресытятся друг другом. Тогда и надобность в отношениях понемногу спадёт, и они с Хильдой даже, скорее всего, останутся друзьями...

В общем, намечалась спокойная ровная связь, дарящая только удовольствие. Без всяких там пошлых сцен и объяснений.

Тогда почему только что он только что едва не полез бить физиономию возможному счастливчику-сопернику?

Вдохнув-выдохнув, он заставил себя улыбнуться.

С террас «Золотого янтаря», от которых, кстати, их отдаляло не такое уж и большое расстояние, на них нацелились лорнеты, монокли, бинокли... Во всяком случае, слишком уж много стёклышек посверкивало в вечернем освещении. А он, идиот, сейчас устроил бы прелестную буйную сцену на потеху всей этой толпе бездельников... Ну нет. Тем более что за одним из столиков, кажется, при выходе он заметил бледную физиономию бывшей супруги. Бывшей, Барлог её раздери; хоть развод ещё не состоялся, но он – дело времени!

Вот пусть все смотрят и лопаются от зависти. А злорадствовать им он не позволит.

– Он что – сам едет? – зачарованно спросила умница Хильда, прямо-таки на цыпочках вытягиваясь, чтобы заглянуть за его плечо. – Что-то я не вижу водителя...

– Техномагия, дорогая цензора, – небрежно отвечивал герцог, вполне оправившийся, наконец, от нервного потрясения, которого его спутница даже не заметила. – Плюс немного магии кровной, родовой... Его спокойно можно оставить даже в городских трущобах – он сам себя защитит. Но распознает моих друзей, и тех, к кому я чувствую симпатию.

Его рука как бы сама собой обвила талию прелестной пышечки.

– А я чувствую, – шепнул он. – И прямо сейчас, Хиль-да...

...Прекрасный мобиль, не такой бесконечный, как свадебные роллс-ройсы, но всё равно кажущийся гигантским, неторопливо и бесшумно подплыл прямо к ним. Не удержавшись, Варвара Пална попыталась извернуться из-под мужской руки, чтобы и приличий не нарушить, и под днище заглянуть.

– А где колёса? Ничего не понимаю... На воздушной подушке, да?

– Почти. Это тоже техномагия. Не забивай себе голову, просто наслаждайся. Подожди-ка: хочешь, откроем верх?

Варвара захлопала в ладоши, как девчонка.

– Конечно, хочу!

По мановению хозяйской руки, крыша и часть боков Единорога чудесным образом осели, формируя кабриолет. Гостеприимно распахнулись дверцы. Сиденья приняли в свои объятья.

– Ой, приборов нет, – восторженно затарахтела Варвара, чувствуя, что не в силах остановиться. Восторг так и выплёскивался из неё. Она обожала именно такие автомобили, крупные, надёжные, представительные. – А как же узнать скорость?

– Зачем? – пожал плечами блудодей.

– Чтобы не превышать. Чтобы на штраф не налететь...

Он лишь фыркнул снисходительно, опуская на руль красивейшие руки. Хорошо хоть, руль оставался почти таким же, как в земных автомобилях, хоть что-то привычное. И

ещё – угадывались где-то там, внизу, педали. А вот рычага переключения скоростей не было.

– Хотел бы я знать, кто меня оштрафует... – пробормотал мужчина, называвший себя Робинот, и усмехнулся. – Держись, моя прелесть! Скорости не боишься?

– Люблю! – призналась Варя. – Давай, гони!

И они *погнали* по шоссе вдоль береговой полосы. Тронувшись с места мягко, почти незаметно, а потом наращивая такую головокружительную скорость, что Варвара едва не визжала от восторга. И вот что интересно: несмотря на бешеную скорость, на отсутствие боковых дверей и стёкол, на, казалось бы, хрупкое и заниженное лобовое стекло, совсем не ощущалось неминуемого сопротивления воздуха и встречного ветра. Более того – когда Робин заметил в свете фар застывший на дороге силуэт оленя и резко притормозил – у неё перехватило дыхание от мягких объятий кресла, внезапно обтёкшего её со всех сторон и загасившего силу инерции... но и только. Никаких бросков вперёд! Оленя они объехали, не спеша, а затем опять помчались так, будто за ними гнались с видеокамерами все посетители «Янтара».

– Нравится? – сверкнул улыбкой блудодей. Лицо его подсвечивалось мягким сиянием, исходившим, казалось, прямо из стен мобиля.

– Восторг! – призналась Варя. И осмелилась попросить: – Дашь потом повести? Я очень аккуратная!

Откинувшись на сиденье, её кавалер расхохотался. Потом

с удовольствием кивнул:

– Непременно. А теперь – держись. Скоро взлетаем. Ты ещё не ездила на воздушке?

И тут Варвара, наконец, не выдержала и завопила от полноты чувств:

– Ийехоу!

...Проводив взглядом удалившуюся на мобиле парочку, джентльмен-наблюдатель не спеша расплатился, поднялся с места и перешёл на открытую веранду для курящих. Выбрал укромный уголок, затянулся душистой сигаретой, активировав заодно в мундштуке устройство, блокирующее возможную прослушку. Несмотря на то, что находился в гордом одиночестве, он был верен старым надёжным привычкам.

Вновь коснулся переговорника.

– Эрих? Да, отбыли. Он, конечно, шустрый малый, но и цензора не промах; уверен, скучать им не придётся. Послушай, дружище, пользуясь случаем, поделюсь информацией: странные дела тут у нас творятся. Пока готовили заказ для твоего... для объекта, Феликс решил на всякий случай пройтись по здешней кухне. Ты же помнишь: у него особое зрение... Так вот, в бутылке одного интересного винца, которое твой... объект обычно заказывает к рыбе, он углядел приличную дозу яда. Хватило бы на слона. Я знаю, что на него никакая отравка не действует, но, похоже, кто-то не знает, и просчитался. Нет, пока ещё выясняем. Конечно, не успел нахлебаться; да он и не пил, он, видишь ли, взял да и повторил

заказ дамы: вместо вина затребовал бокал пива. Как тебе везеньице, а? В общем, я немного над ними покружусь, а если они отправятся к нему домой – наблюдение сниму совсем: как я понял, в его гнезде безопасно... Всё, отбой.

Через минуту с перил веранды сорвался ввысь и устремился вслед за силуэтом парящего в небе «Единорога» огромный кондор. Стая летучих мышей, отправившихся на ночную охоту, шарахнулась, рассыпавшись на множество негодующе пищавших комочков.

Глава 16

Первый раз они поцеловались в небе. Между маревом огней столицы под ногами – и сиянием звёзд над головой. Они поднялись даже выше трасс воздушки – этакое летающего метро для избранных, опутавшего Авилар сюрреалистической паутиной прозрачных тоннелей; выше полицейских мобилей, следящих за порядком в никогда не засыпающем городе; выше редких птиц, приспособившихся к присутствию человека в небе и либо огибавших город стороной, либо набирающих вовсе уж невиданную высоту, с которой столица превращалась в этакое бисерное пасхальное яичко... Казалось, ещё немного – и в подобную, пылающую ночными огнями сферу, превратится и сама планета, а «Единорог» рванёт ещё дальше, в стратосферу, а потом и в космос.

Но хозяин твёрдой рукой направил его на одну ему известную цель, поколдовал над рулём, и, дождавшись, пока обозначилась-таки некая приборная панель с разноцветными огнями, повернулся к Варваре. Та следила за его манипуляциями, затаив дыхание.

Отчего-то ей совсем не было страшно.

Наверху «Единорог» вновь нарастил крышу, оставив её при этом почти прозрачной. Ни холода, ни встречных потоков воздуха не ощущалось, хоть, если судить по ключьям

стремительно пробежавших мимо облаков – скорость мобилей развил нешуточную. И даже высота не внушала страха, как в самолёте, когда её практически не ощущаешь: глаза видят землю, расчерченную полями и домиками, как увеличенную географическую карту, а ноги чувствуют твёрдый надёжный пол – и чего, спрашивается, бояться? К тому же, зрелище, раскрывающееся перед глазами, оказалось настолько фантастичным, что... им можно было неустанно восхищаться, но обмирать от страха – чистое кощунство!

И вот сейчас, когда горизонт отодвигался всё дальше и дальше, когда прозрачная обшивка дарила иллюзию настоящего полёта, будто ты и есть чудо-птица или дракон... Робин поколдовал над рулём – и повернулся к ней.

Мягко, без привычной уже дурашливости и лукавства, улыбнулся – и привлёк к себе.

Она и не заметила, как оказалась у него на коленях. Губы их встретились – соприкасаясь сперва осторожно, почти робко, а затем смелее, настойчивей... Но главное – он не хватал и не притягивал Варю за затылок, чем грешили немногие, рискнувшие когда-то её поцеловать, как будто боялись, что она вот-вот начнёт брезгливо отворачиваться. О нет, её нынешний мужчина нашёл рукам куда более интересное применение, притиснув её к себе так, что хрустнули рёбра. Впрочем, кажется, это пострадало несколько пуговок на жакете, потому что Варваре стало вдруг трудно дышать, и она попыталась сделать это полной грудью, а та, кажется,

аж сплющилась о сильный мужской торс. Стоило вдохнуть поглубже, от души – пуговики-то и того-с.

А потому что – ох уж, этот торс...

Даже сквозь ткань своего жакета и его рубашки она чувствовала напрягшиеся мускулы. («Мы-ши-цы», вспомнилось не вовремя...) И так увлеклась своими чудесными ощущениями – а тут ведь ещё и поцелуй! – что когда одна из загребущих лап блудодея нежно погладила и сжала её ягодницу – отреагировала как-то ненормально: вместо того, чтобы возмущённо отпрянуть, застонала – и даже подалась немного вперёд, так что второй мужской руке стало удобно лечь симметрично первой. Как же это было восхитительно...

Совершенно забывшись и поведаясь на инстинкты оголовшей по ласке женщины, она в ответ стиснула в объятьях «Робина» – кто бы он ни был, но целовался потрясающе! – и с удовольствием провела всеми пальчиками по напрягшейся спине, сперва к пояснице, потом к сильной жилистой шее...

И тут ей всё же не хватило воздуха.

Отстранившись – деликатно, не то, не дай боже, кавалер решит, что он ей противен и обидится – она прошептала с придыханием:

– Сумасшедший! Ведь расшибёмся!

– Магопилот, – коротко ответил он – и вновь припал к её рту жадными умелыми губами. На миг оторвался и счёл нужным пояснить: – Домчит до самого дома и сядет сам, не волнуйся...

«До чьего дома?» – ехидно хотела переспросить Варя. Но слова, звучащие у самых губ, так возбуждающе щекотали, что зуд этот требовалось немедленно унять.

И лишь осознание того, что она, укуси её пчела, в конце концов взрослая солидная дама, и не полагается ей лишаться вдовьей невинности где-то под небесами, удержало от нахлынувшего желания опрокинуть кавалера на уже подавшуюся вниз спинку умнящего кресла, и вжать собой, грудью... чтобы не сбежал.

Но не школьница же она, в конце концов, сопливая – заниматься сексом в автомобиле. Это молодёжи некуда прийтись, вот они и выбирают мало-мальски удобные сидячие и лежащие места, а ей, шикарной женщине, не к лицу тащить с партнёра штаны, а самой при этом прислушиваться: не сбоит ли что в системе? Магопилот магопилотом, а всё-таки Варя не слишком доверяла этой самой техномагии. Согласитесь, на земле оно как-то надёжнее.

Но попытку расплатать его на сиденье блудодей уловил – и откинулся сам, с немалым удовольствием. Он и Варю за собой потянул, но та, фыркнув и погрозив пальчиком, отстранилась.

– Ты чудо, – рассмеялся мужчина. – Превосходное, изумительное чудо... Неужели все земные женщины таковы?

– За всех не скажу, а я такая, – с достоинством ответила Варвара. И даже плечи расправила от этого своего достоинства. Почти сидя верхом на своём «принце», ага... Что-

то вновь явственно треснуло. Робин с удовольствием скосил глаза на её бюст, не стесняемый более отлетевшими застёжками воротника и последними пуговицами... и благоговейно возложил на него ладони. Как на святыню.

Просто возложил. И чуть погладил, как бы ощущая, взвешивая...

– Словно налитые плоды, – промурчал. – Ах, ты моя яблонька...

Коротко рыкнув, Варвара ужом выскользнула из-под этих рук, исследовавших её грудь с тщательностью слепого, читающего по азбуке Брайля.

– Дорогая, ценьора, что я сделал не так? – взмолился герцог, поспешно приводя себя в сидячее положение. – Скажу откровенно, я ведь думал, что никто не против... небольшо-го тяжёлого флирта в небесах, а?

Ценьора с удовольствием поёрзала в кресле и улыбнулась так предвкушающе, что у пятого герцога Авиларского сладко заныло в паху. Впрочем, ныло там давно, но сейчас – особенно приятно.

– Я как-то предпочитаю обосноваться на чём-нибудь твёрдом, – заявила она.

– Дорогая, а разве ты не оценила мою твёрдость? – Пыжась, он напряг мускулы – и губы его невольно разъехались в ответной улыбке. – Кстати, я твёрд уже во всех местах... чем тебя это не устраивает?

Настоящая Женщина расхохоталась. Искренне, до слёз.

– Я имела в виду землю, – оттирая уголок глаза, выдала она. – Побереги свой пыл... дорогой. Должна же я чего-то бояться на высоте!

Кристофер огорчился.

– Ну вот... А ведь могли быть такие незабываемые минуты!

Женские губы нарочито сурово сжались, и он поспешил добавить:

– Возможно, в другой раз, а? Когда моя цензора привыкнет к «Единорогу» и доверится ему полностью?

Глаза Настоящей Женщины потеплели.

А герцог сам сперва и не понял, что сказал.

Потом со вздохом, виновато улыбнувшись, потянулся к управлению...

Во-первых, чтобы отвлечься. Иначе после приземления будет весьма неудобно ходить по причинам чисто физиологического характера. А между тем его прелестницу надо ещё довести до спальни: не юнцы они, в конце концов, безумствовать прямо в ангаре или в холле, где, кстати, наверняка полно дядиной подглядывающей и подслушивающей техники...

Вот, кстати, и во-вторых. Не забыть поставить глушилки в спальне. Тогда уж точно это будет самая безопасная комната в округе столицы.

И в-третьих... Что за дурацкая привычка перечислять? Ну, хорошо, пусть будет в третьих. То, что невольно сорвалось у него с языка, означало лишь одно: он сам уже окон-

чательно решил, что сегодняшней ночью их отношения не ограничатся. Барлоговы веники! Даже если секс у них выйдет посредственный, что маловероятно – с этой Женщиной просто... интересно быть рядом! Так хочется поводить её по красивым местам, показать здешние водопады, прокатить по...

Точно! Озеро!

Удивительно красивое место. Даже сейчас, в темноте, тот кусочек, что будет высвечиваться в пламени костра, её очарует. У Кристофера есть свой приватный уголок на одном из островков, куда он однажды перетащил простецкую самораскладывающуюся палатку, пару матрасов и подушек, и оставил погребок с продуктами в стазисе да пару удочек. Идеальное место для укрытия от надоевших жён сегодня могло стать таким же идеальным островком безопасности для двоих...

Любовников?

Возлюбленных. Так романтичнее. Он ведь задумал красивый роман? Надо соответствовать.

На подлёте к озеру включил круговое освещение, чтобы высветить как можно больший кусок пейзажа. И услышал восторженное: «О-о-о...»

Пролетел над островком. Специально завис: мощные фары на днище мобиля высветили сквозь прозрачную воду мягкое даже с виду песчаное дно, полого уходящее вниз – глубина здесь небольшая, ни коряг, ни острых камней, иде-

альное место для ночного купания. Да и дневного тоже. А вот берег был не песчаный, в котором проваливались бы женские каблучки, а заросший мягкой низкой травкой, не нуждающейся в стрижке, и на редкость приятно льнущей к босым ногам и... обнажённому телу. Гхм. Да.

Успокоиться. Помнить, что надо ещё нормально выйти из мобилия...

Нет, всё-таки Настоящая Женщина ещё и практична, и наверняка предпочтёт матрас. Мало ли, что там, в траве, ползает и бегают... Но пусть не рассчитывает на палатку, во всяком случае – первых два часа. Нет, три. Нет, четыре.

Ибо нет ничего прекраснее, чем любовь под звёздами. Хорошо, пусть не в небе: оно и понятно, цензора с непривычки побаивается. Но тогда – здесь. Остров ведь – это достаточная твердыня?

Глава 17

Ему отчего-то казалось, что кожа её непременно должна пахнуть морем. Источать свежесть и прохладу летней ночи, покрываться мурашками – и от холодка, и от предвкушения предстоящей страсти, но при этом обязательно пахнуть солёной пенистой волной. Потому что именно в ней родилась когда-то Богиня Любви, щедро одарившая Настоящую Женщину своими дарами...

И ещё – в ней, вроде бы, совершенно ничего не было от Дианы. На первый взгляд. Но, если подумать, его первая жена, единственная, кого он любил когда-то, порывистая и серьёзная, целеустремлённая и умеющая вовремя бросить весёлое словечко и разрядить напряжённость, тонкая в талии, как муравьишка, но обожавшая возиться на кухне и кормить его вкусно и досыта, да и сама не стеснявшаяся хорошо покушать – она, наверное, сейчас была бы такой же, как... хорошо, пусть будет «Хильда». С виду беззаботная, но не легкомысленная, а просто знающая цену жизни, оттого дорожающая каждым её мгновением; отмахивающаяся от негатива не по глупости и недальновидности, а из-за философского взгляда на бытие. Герцог был более чем уверен: прежде, чем согласиться пойти с ним – ясно же, зачем пойти, ведь не дети оба! – очаровательная пышечка, как и он сам, мысленно

всё взвеси́ла, достато́чно вдумчи́во, при́шла к ка́кому-то ре́шению – и, разо́к опреде́ливши́сь, ни те́ни со́мнения, ни ко́лебаний бо́льше не про́явля́ла. Она́ постано́вила – и бы́ть по́ сему́. Хоро́шо бы, их с Кристо́фером ло́гика и взгля́ды на бу́дущее совпа́дали...

Всё это промелькнуло у него в голове за считанные секунды, пока он пристраивал «Единорога» на специально приспособленной для него поляне.

Он с удовольствием отметил, что женщина, хоть и взялась за ручку дверцы, но медлит, в ожидании его, шалопая и бездельника... а как, интересно, ещё она могла его воспринять? Что ж, он таков, великовозрастный балбес. Однако это не мешает ему помнить об обязанностях кавалера. С лёгкостью выскочив из моби́ля, он помо́г ей вы́йти – и не спе́шил от́пускать её ру́ку.

– Это остров? – уточнила она, с любопытством оглядываясь.

– Необитаемый! – подтвердил он. – Во всяком случае – был необитаем, пока мы сюда не нагрянули. Он небольшой, шагов триста поперёк, и раньше, если на озере штормило – заливался полностью. Пришлось тут кое-что усовершенствовать...

– Так ты маг? Ты что-то говорил про родовую магию.

Он скорчил злобную рожу:

– Колдун! Заманиваю сюда девственников и творю с ними разные непотребства! Но по обоюдному согласию, заметь.

Пойдём, покажу кое-что... Кстати, можешь разуться. Здесь очень приятная трава, ноги не наколешь.

– Ух...

Она с наслаждением коснулась земли босыми пятками. Ступни у неё были маленькие, аккуратные, Кристоферу ещё в «Янтаре» хотелось их покусать – до чего хороши ножки, точно сахарные... Он представил, как замыкает на одной из щиколоток ножной браслет с россыпью гранатов и жемчужин. Точно. Вот что надо будет потом непременно подарить...

... и вывел её к воде, не забывая придерживать за талию.

Лунная дорожка протянулась от самого горизонта до берега.

– Это Селена, покровительница женщин, – кивнул он на небо. – Говорят, лучи её несут благословение тем, кто в них искупается. А там...

Невольно обернувшись, чтобы проследить за взмахом его руки, Хильда так и впилась взглядом в зелёную луну... и отчего-то вздохнула.

– Там – Кора, она вошла совсем недавно, поэтому пока зависла на той стороне. Она покровительствует мужчинам. И тоже, говорят, одаривает... многим. Очень удобно ориентироваться, особенно, когда у женщины нет при себе купальника. Естественное деление на зоны...

Он принялся неторопливо расстёгивать рубашку, как-бы любуясь при этом Селеной, а сам косился на гостью: как-то

она воспримет завуалированное предложение?

Впрочем, от такой Женщины всего можно было ожидать.

Внезапно опять его кольнуло смутное беспокойство. Кажется, кто-то предупреждал его, причём совсем недавно: «Забудь всё, что раньше знал о женщинах...» Но и этот тревожный сигнал он подавил усилием воли. Вздор. Сигизмундова тёща сейчас с настоящим Робинем, где-нибудь в Синематографе или в казино, случись что неординарное – у секретаря достанет ума ему сообщить. А прямо здесь и сейчас с ним – *его* женщина. И точка!

Она тем временем задумчиво и даже как-то ласково смотрела на водную гладь. Прошептала:

– А ведь я всю жизнь мечтала... Чтобы лес, тихая вода – и голышом, чтобы каждой клеточкой чувствовать и воздух, и воду... Это просто чудо какое-то.

– Там, немного левее, бьёт подводный ключ...

Кристофер почему-то охрип. Не сдержавшись, обнял со спины Хильду за плечи.

– Он не слишком сильный, но ты почувствуешь контраст: холодные струи разбегаются по телу, словно лаская. Будто тысяча шаловливых пальчиков, таких же, как твои...

Она прильнула к нему всем телом, и наверняка уже ощущала его нетерпение. Но лишь прогнула шею, коснулась затылком, позволила его рукам скользнуть к последним, оставшимся в живых, пуговичкам жакета и освободить её от лишних пут. Казалось, даже ниточка на их телах будет сейчас

лишней.

– Что за глупости – разные луны, разные зоны... – пробормотала она и, соблазнительно покачивая бёдрами, да ещё чуть прогнувшись вперёд, так, что герцог едва не озверел от вожделения, избавилась от бриджей. Барлоговы... Какие на ней трусики! Не крошечные треугольнички, вернее сказать – плотные-то лоскутики оставались на стратегических местах, но всё остальное было прикрыто пеной кружев, сквозь которые просвечивала складочка меж ягодиц, и крошечная родинка у самого копчика...

– Что за глупости это ваше деление на зоны для мальчиков, для девочек...

Она обернулась и крепко обняла за шею.

– Ведь мужчина и женщина всё равно соединятся. А луны – никогда.

Провела тёплой ладонью по его груди – и вдруг прильнула туда же щекой.

– Пойдём вместе. Иначе я всю ночь проищу эти твои шаловливые пальчики. Тебе-то хорошо – для тебя найдутся мои, а вот мне...

Волна давно не испытываемой нежности захлестнула Кристофера.

Осторожно, не торопясь, словно прикасаясь к тончайшему фарфору, они избавили друг друга от последних ненужных лоскутов.

И жадно изучали друг друга глазами, и трепетно – рука-

ми. Без стеснения, но с восторженным любопытством, как прозревшие после запретного плода Адам и Ева. Только не было грехопадения в их соединении, ибо, что есть Добро и Зло, они давно уже познали, оставалось только убедиться, что любовь и единение – это высшая радость...

Он всё же успел еле заметным касанием магии изгнать из травы насекомых, а саму мураву заставил приподняться – и нарастить мягкое ложе, куда и опустил, чуть дыша, своё сокровище. И, еле сдерживаясь, чтоб не накинуться на неё рыча и урча, поглаживал ножки, чуть полноватые, но восхитительно округлые бёдра, дивясь шелковистости кожи на внутренней стороне, потёрся щекой о заветный холмик, покрытый светлым руном-кудряшками... Он ничего не мог с собой поделать. Ему нравились женщины в их первозданной красоте, крепкие, налитые, самой природой предназначенные любить – и одаривать любимых детьми; оттого-то, должно быть, истощённые, депилированные до мраморной гладкости навязанные жёны его никогда не возбуждали. Ну, не горела в них этой женственная искра! Единственное, что он познал, сходясь с ними – тяжесть навешенного свыше супружеского долга, не более.

Но сейчас он чувствовал нежное, трепетное, живое тело, откликающееся на его ласки. Потёрся щекой вновь – и даже испугался, вспомнив, что давно небрит; но Хильда, застонав от удовольствия, запустила пальцы в его загривок.

– Ох, Робин, я никогда так...

Он опустил ладонь, размыкая её колени, и они послушно подались, допуская его к долгожданной цели.

Самая сладостная минута – ещё не соединения, но предвкушения его!

Продвинувшись выше, сперва опалив дыханием и поцелуями вершинки налитых грудей, затем шею, губы... он заглянул в глаза, в которых отражались звёзды...

...И когда медленно, трепетно качнулся вперёд, ощутив тепло шелковистого лона – эти глаза вдруг наполнились счастливыми слезами. словно какое-то узнавание сверкнуло в них.

– Ты-ы... – прошептала она, подавшись к нему ещё сильнее, обхватывая ногами, помогая проникнуть ещё больше, дальше...

Это был прекрасный дивный танец любви, творимый мужчинами и женщинами тысячи лет, но не часто выплетающийся так вот, будто впервые, между юными праматерью и праотцом, в новорожденном мире, в день седьмой от сотворения...

И когда его пробила сладчайшая судорога, и от наслаждения перехватило горло – он не смог сказать, но подумал, растворяясь в Своей Женщине, покоряясь ей, отдавая себя навсегда:

«Ты-ы...»

...А кожа её и впрямь пахла морем.

Глава 18

Рассвет подкрался на остров незаметно, вместе с густым туманом, как пушистый розовый котёнок на мягких лапах. Сквозь дымку, ключьями осевшую на невысокие аккуратные ёлки, пробивались косые солнечные лучи, ещё нежные, алеющие. Один из них дотянулся до палатки с откинутым полом и пощекотал женский носик, мирно сопящий в складках пушистого пледа.

Варенька чихнула и... проснулась.

Именно так она себя и почувствовала, едва разлепив глаза и тотчас прищурившись от света: не Варварой Палной, не важной цензорой, не мамкой дочери-студентки, и уж не чьей-то там тёщей – нет, она снова была семнадцатилетней... эх, ладно, пусть двадцатипятилетней Варенькой, выскочившей замуж, едва успев закончить институт, и умчавшейся с любимым на всю медовую неделю к прабабке на родину, на Урал, в леса. И мир тогда играл всеми красками, и дышалось легко, как сейчас, и сама она была легка, как пёрышко...

Она покосилась на вольготно разметавшегося во сне мужчину и лукаво заулыбалась. Ну, блудодей, ну, искусник... Не подвёл. Пусть отдыхает, заслужил. А ей прошвырнуться бы... до ближайших кустиков. Раз уж остров необитаем – стесняться некого.

Идти голышом при свете казалось сперва неловко. Но Варвара плюнула на все условности и внутренние зажимы, повела плечами и бюстом – и павой поплыла отыскивать за ёлочками укромное местечко. Хоть и пустынный, но островок был чистенький, словно прибранный, ни сучков под ногами, ни веток... Может, здесь тоже работала магия, только не техно, а какая-нибудь бытовая? Опавшей хвои нет, травинки на мураве одна к одной, будто их ежедневно причёсывают граблями... Ей бы такое на дачный участок, сколько сил сэкономила бы! Надо потом как-нибудь разузнать про такие чудеса.

Потом, расхрабрившись, она проведала «Единорога»– и чем-то он показался ей похожим на хозяина: такой же большой, вальяжный, развалился на поляне и дремлет после трудов праведных... Потом повернула к берегу. В конце концов, надо хоть одежонку собрать, не расхаживать же весь день в первозданном виде! Это ещё хорошо, что тут всё так окультурено, в обычном лесу или рощице она давно покрылась бы царапинами, налипшей травой и паутиной, и стала бы настоящим чучелом!

Аккуратно сложила свою и мужскую одежду в две стопочки возле палатки. Благородный цензор спал. Мило, почти бесшумно, без храпа... утомлённо улыбаясь во сне. И как его теперь называть? Слишком узнаваемы оказались его ласки, выдавая с головой давнишнего любовника из снов; разница была лишь в том, что в реальности, разумеется, ощу-

щения испытывались полней, насыщенней... А главное, что Варе большого труда стоило в самый сладкий момент удерживать рвущееся с губ имя, которое она, наконец, вспомнила: «Крис!»

Но... так ли это на самом деле? Он ли приходил к ней в томных снах – или умное подсознание, способное, говорят, на многие выверты, взяло и подбило реальность под желаемое, наложило задним числом картинку на сладкие воспоминания – и соединила живого и воображаемого мужчину? Говорят, эффект дежа-вю объясняется как-то так же... Вздыхнув, Варвара мудро рассудила: поживём – увидим. В мистику ей, рациональной женщине, верить не хотелось, особенно с утра, когда вместе с ночной темнотой истаивает флер романтики и таинственности. Утро прекрасно, но оно же и безжалостно. И порой отрезвляет не хуже холодного душа.

А от воды, между прочим, идёт приятный парок. Туман почти сошёл, а вот пар остался. Водича-то, значит, тёпленькая...

Вспомнив, что они с «Робином» вытворяли вчера в озере, она зажмурилась от смущения и поёжилась. Ох, блудодей... Как он её притиснул к камушку, вон к тому, что высовывается из воды, круглому, гладкому, широкому и плоскому, как стол! Будто кто нарочно его тут для них оставил. Она грудью вжималась в отшлифованный до шёлковой гладкости каменный бок, постанывая, когда на её руки сверху легли мужские, и каждое его вторжение она ощущала не только лоном, но

и спиной, плечами, чувствуя ритмичное сокращение пресса, грудных мышц, бицепсов... Это был не просто акт любви – а слияние в полном смысле слова, единение, растворение друг в друге...

Огромная чёрная птица парила в утреннем небе, видимо, выискивая, где сесть, затем приземлилась на тот самый камень. Глянула на невольно отступившую в тень дерева женщину, серьёзно, словно оценивающе, после чего склонила голову набок, клетотнула – и сорвалась опять в поднебесье. Покружила над островом, да и полетела прочь.

– Шпиён, – фыркнула Варвара. – Будто высматривал что-то.

Вода так и манила. И оказалась на самом деле тёплой, как парное молоко. Или это наша Ева к тому времени порядком подмёрзла, голышом-то, но озёрные воды показались сейчас теплее и ласковее морских, мягче, нежнее, приятно обтекая и щекоча самые чувствительные местечки. Варя доплыла до камня, и уже собиралась, положив ладони на гладкую сухую поверхность, подтянуться, как с противоположной стороны что-то фыркнуло... и вынырнула знакомая личность, очаровательно харизматичная с промокшими кудрями и бородкой.

Он ловко вскарабкался на валун и протянул Варваре руку. Заговорщически подмигнул.

– Ценьоне запомнилось это место?

Выдернул её из воды и прижал к себе, хохочущую, счаст-

ливую. Господи, неужели так мало для счастья надо? Всего лишь подмигивание и шутливая фраза с полунамёком-полунапоминанием... а сердце поёт и щебечет. И даже его «пышечка моя! Моя пироженка!» не раздражали, хоть в обычной жизни Варя терпеть не могла подобных намёков на свою сдобность; но сейчас эти ласковые прозвища перемежались лобзаниями по всему телу... и как тут было не размякнуть?

А любовь на камне оказалась ещё интереснее, чем радом с ним. Хоть и в воде было чертовски... да, чертовски...

Потом они отдыхали, глядя в небо и любуясь перистыми облаками. Варина белокурая голова пристроилась на мужской груди, он перебирал растрепавшиеся белые пряди и молчал, но как-то красноречиво. Бывает ведь такое, что и слов не надо, чтобы понять, как хорошо обоим.

Потом в животе у Варвары уркнуло, и она засмеялась, подскочив.

– Послушай, цензор Робинзон, а какие-нибудь припасы у тебя здесь есть? Раз уж ты сюда палатку притащил, должна быть и еда; ты, я смотрю, мужчина основательный! Сообразим что-нибудь на завтрак?

– Святые Небеса, ваша воля! – закатил он глаза. – Мог ли я подумать, что женщина будет готовить мне завтрак? Конечно, сообразим, дай только...

Приподнявшись, он обнял её за плечи, сощурившись, взгляделся во что-то на берегу.

– Не двигайся, – сказал строго.

Перед глазами зарябило. Вместо шёлковой гладкости камня, ещё хранящего прохладу ночи, под попой и ступнями оказалась трава. Они сидели неподалёку от палатки.

– Не испугалась? – склонился к ней мужчина.

– Это... – Варвара поперхнулось. – ... что сейчас было?

– Мини-телепорт. Родовая магия.

– Ух... А на большие расстояния можешь?

– Могу. – Он рассмеялся, встал и отправился за палатку, в обход, демонстрируя чудесные крепкие ягодички и не менее восхитительные ноги, на которых при ходьбе так и играла каждая мышца, каждая жилочка. Невозможно было не залюбоваться. Варе вспомнились юноши, укрощающие коней на Аничковом мосту, сильные и грациозные; только тут, в отличие от гладкой бронзы, ноги были отнюдь не юношеские, а очень даже... гм... мужественные, заросшие не густо, не редко, но в меру курчавившейся порослью, изобличающей, по мнению некоторых психологов-сексологов, повышенную сексуальность объекта и его недюжинные способности в этом самом плане. Впрочем, и в том, и в другом она уже успела убедиться, и неоднократно.

– И на большие могу, – повысил голос из-за палатки сексуальный объект. – Только редко использую. Даже в моей спальне, знаешь ли, может кто-то находиться. Из прислуги, например... Не подгадаешь – впишешься в чужое тело, вот это будет полный... – Он запнулся. – Барлогов зад... Потом уже не выпишешься. Постой, а как ты меня назвала недавно?

– А, Робинзон! – Варя засмеялась. – Такой бедолага, что пробыл на необитаемом острове двадцать восемь лет, представляешь? Правда, потом этот остров стал похож на проходной двор: то туда наведывались дикари, то пираты...

– И что? – «Робин» заинтересованно выглянул из-за палатки.

– А то, что нет худа без добра. От дикарей он отбил Пятницу – тоже дикарёнка, которого чуть не съели, и тот потом сделался его верным другом. А от пиратов спас других моряков, которые и отвезли его на родину.

– Нет худа... без добра, – задумчиво повторил мужчина. – Так, погоди... – Нырнул в невесть откуда взявшийся, просто появившийся из воздуха погребок и выудил связку копчёных колбасок, пакет с яйцами, сетку с помидорами, а главное – огромную сковороду. Глянул скептически. – Вообще-то, когда я запасался, то рассчитывал на скромный холостяцкий завтрак, но ведь его можно просто удвоить, да?

Откуда-то появилась и походная плитка, похожая чем-то на электрическую, с одним нагревательным «блином», который тотчас раскалился, стоило сковороде его коснуться; и небольшой медный чайник, и даже турка для кофе.

– Костёр разжигать не хочу, чтобы не нарушать экологию, извини... Так как там говорилось? Нет худа без добра?

– Это не из книги, это наша поговорка такая, русская, – заявила Варвара, бесцеремонно отбирая у своего кавалера колбасу и помидоры. – Доска найдётся? Нож, масло, соль...

А ещё хорошо бы специи, зелень, да и лучку колечками.

...Развалившись на траве и подставив раннему солнцу голый торс – штаны он успел надеть, без них Настоящая Женщина отгоняла его от сковороды, хохоча и пугая, что кипящим маслом ненароком обожжёт самое дорогое – пятый герцог Авиларский вдыхал аппетитные запахи и чувствовал себя абсолютно счастливым идиотом. И это было прекрасно. Ради такого стоило согласиться на дядюшкино предложение провести вечер с какой-то мымрой... а в результате – заполучить своё, личный кусочек счастья, которого давно уже не испытывал. Воистину, нет худа без добра!

Неужели это Она? Та самая, которую он видел когда-то давно, во сне, его страстная Женщина, его фемина, Ева, пришедшая, чтобы утешить в тоске по Диане? Сколько лет пронеслось после её смерти, а он всё не находил себе места, пока не пришла Она...

Жёны, лицемерные сучки, её словно отпугнули. А может, даже иллюзиям свойственна брезгливость... или чувство собственного достоинства, или ревность. Но только на долгих пять лет она про него забыла.

И лишь недавно появилась вновь.

Он сунул в зубы травинку, прикусил, ощутив на языке вкус волглого стебля.

Очнись, парень. Тебе пятый десяток, хватит жить романтическими бреднями: лучше хватай Её, настоящую, живую, и не давай никуда сбежать.

Так он и сделал. Подкрался, схватил, и... Сбежать она не успела.

Правда, яичницу они чуть не спалили. Но даже подгоревшая, она показалась самым вкусным из того, что Кристофер когда-то едал.

Глава 19

Прощание прошло легко, как бы не навсегда, и немного печально. Но для себя, пусть и скрепя сердце, Варвара свет Павловна решила таки чудесный роман не продолжать, полагая, что если самые интересные страницы прочитаны первыми... то прочитано основное, а повтор – это уже не то... Не будет новизны, свежести впечатлений, восторгов... всего *первого*. А однообразие, переходящее затем в рутину – нужно ли?

Так мудро она рассуждала, не желая признаться, что просто боится пускать блудодя в свою жизнь, в повседневность. Ну да, он расцветит её бытие сочными красками, он продлит эту сказку... но не станет же этим заниматься вечно? Скоро и для него увлечение потеряет новизну, и он переметнётся к кому-нибудь ещё. А она... слишком влюбчива. И взяв на себя однажды обязательство ко всему на свете относиться легко, не хочет теперь ни сложностей, ни возможных страданий. Так-то вот.

В полдень «Единорог» домчал их до «Золотого янтаря» – на сей раз не через всё поднебесье: они пролетели лишь небольшой кусь пути от островка до озёрного берега. Затем лихо прокатились на горном серпантине, проехали тенистый лес, прорезанный скоростным шоссе как пирог лопат-

кой; миновали два старинных замка, один в руинах, а другой – недавно восстановленный, сияющий стёклами и шпилями, размахивающий стягами и вымпелами на башнях. Не было сказано ни слова о расставании или возможной встрече; просто, открыв ей дверь, обняв при выходе и задержав в объятьях, «Робин» пообещал твёрдо:

– Я найду тебя, где бы ты ни была. Улажу кое-какие дела, чтобы нам никто не мешал – и свяжусь. Дождись.

Она лишь улыбнулась в ответ:

– У тебя целых два дня.

И для ясности даже показала на пальцах.

Он скорчил жалобную мину.

– Барлоговы... Ну что такое? И никак невозможно подождать?

– А ты успеешь, – усмехнулась Варвара Пална, успев к этому времени позабыть недавнюю Вареньку и призвать на помощь опыт прожитых лет, а заодно и основательно подрастерянную рассудительность. – Не получится с делами – хоть просто так позвони, поговорим.

– Как-то легко ты к этому относишься. А что, если у нас всё серьёз...

Она прикрыла ему рот двумя пальчиками, которые цензор блудодей тотчас заграбастал и поцеловал.

– Послушай, – проговорила, стараясь быть построже. – Да погоди же... Всё ведь было хорошо, да? Ты подарил мне чудесную ночь, милый. Но после ночи всегда приходит утро. И

понимание, что кроме твоего острова есть ещё мир, а самое главное – в нём полно людей, которым мы все что-то должны. Давай не забывать об этом.

– Но ведь мы ещё увидимся? Ты вернёшься с Земли?

– А как же! – искренне изумилась Варвара. – У меня тут дочь, я же говорила? Правда, не хочу ей особо надоедать; но ведь мобильная связь между мирами не работает, вот и придётся временами наезжать, контролировать, чтобы её тут не обижали.

В конце концов, заявить прямо сейчас однозначное «нет» она не смогла. Как и загасить огоньки нетерпения в ласковых глазах мужчины. Уж очень это было бы... наверное, жестоко.

– Так я напомним о себе нынче же вечером.

Он сказал это так уверенно, будто в кармане у него уже лежало досье на Солнцева Варвару Павловну. Не иначе, как были у него солидные связи в этом мире... Что ж, ей даже стало интересно, справится ли этот самоуверенный тип?

Склонившись, он бережно поцеловал её руку.

– Я не прощаюсь, пышечка моя. – Не разгибаясь, глянул лукаво снизу вверх: – Не забудешь меня?

Она ласково взъерошила его волосы. И откровенно сказала:

– Ну, уж нет. Разве такое забывается?

Помолчав, добавила:

– Спасибо за... сказку.

И вот тут грустно стало обоим. Потому что сказка, похо-

же, закончилась. От ворот ангара, приветственно размахивая руками, торопились к мобиле служащие, с лестницы, ведущей от Западной террасы прямо к морю, торопливо спускался управляющий отелем – очевидно, поприветствовать важную гостью, а в смокинге, забытом ещё с вечера в салоне «Единорога», затренькал переговорник.

– Вот она, жизнь... – пробормотал мужчина.

– Ступай, – ответила на это женщина. И добавила непонятно: – Спасай мир...

Не стала ждать возможных оправданий, уговоров, а просто погладила по щеке – и пошла навстречу управляющему, расцветающему в улыбке. Краем глаза успела заметить, как тот, с кем она только что рассталась, метнулся к мобиле, чертыхнувшись, зашарил по смокингу, выуживая аппарат... И невесело подумала, что ни один из них с самого утра так и не окликнул друг друга по имени.

Будто придуманные имена, которыми они в шутку назвались с самого начала знакомства, больше не шли на язык, ощущаясь как фальшивка, как диссонанс...

Через час, переодевшись и повздыхав в одиночестве, она решила, что жизнь таки продолжается, и вскоре уже сидела на полюбившейся Западной террасе за чашкой кофе. Купаться не хотелось, несмотря на манящие неподалёку волны. Гамаки под пальмами уже не манили, как раньше. Голоса девушек на пляже казались визгливыми и пронзительными. Хотелось... «достать чернил и плакать», не от огорчения, а

от какой-то сладостной печали, замешанной на ожидании – и ощущении чего-то неотвратимого, какой-то беды, что вот-вот стрясётся. Потому что, наученная горьким опытом, Варвара не верила, будто всё хорошее, что случается в жизни, даётся даром: его или надо заслужить, или, раз уж оно получено, так сказать, авансом, то непременно придётся расплачиваться. По тому самому закону, который отбирает Героев и статистов в разные команды. А она, похоже, перешла из массовки в лагерь... пока ещё трудно определить, чей, но уровнем явно выше предыдущего. Значит, Её Величеством Судьбой с неё и спросится больше.

И в должниках её не потерпят.

И когда на пустынной террасе, где, кроме Варвары и бармена, спрятавшегося в тенистом павильончике, никого не было – зацокали вызывающе, крикливо чьи-то каблуки – интуиция подсказала ей, как некогда и князю Андрею Болконскому, и Багратиону: «Вот оно, началось...»

Чашка в её руке не дрогнула. Кто бы к ней сейчас не подошёл – Варвара готова была сразиться и дать достойный отпор.

Особа, остановившаяся и вынужденная склонить голову, чтобы заглянуть под широчайший зонт, удерживающий столик в тени, была высока, стройна до выпирающих в декольте ключиц и верхних рёбер; хоть на лицо и красива: какой-то холодной рыбьей красотой. Почему рыбьей? Да потому, что глаза у неё, хоть и глубоко посаженные – или кажущиеся

запавшими из-за общей худобы лица – были голубовато-серебристые, как сказали бы модные косметологи, а человек попроще ляпнул бы: белёсые, как у селёдки... Бледная кожа, лишённая и намёка на загар – это при здешнем-то южном солнце! Пятна благородных румян на аристократических скулах, макияж, туалет (почему-то нечто изысканное, в оборках, с юбкой-годе в пол, язык не поворачивался назвать просто платьем) – всё, казалось, было тщательно отрисовано лучшими модельерами и визажистами. Невольно привлекали внимание руки: хрупкие, с выпирающими шишками локтей, они, казалось, вот-вот переломятся под тяжестью колец и браслетов. Эта последняя деталь напомнила Варваре о неких мусульманских жёнах, что, в страхе перед возможным разводом, о котором муж вправе объявить в любую минуту, сутки напролёт таскают на себе все самые ценные украшения – на случай, если вот-вот окажутся выставленными из дома на улицу...

Воспоминание заставило её фыркнуть и, должно быть, придало лицу достаточно презрительное выражение, чтобы дамочка, заявившаяся к ней с нехорошим оскалом на красивом личике, вдруг заколебалась. Возможно, ей помешал ещё и зонт: поначалу она собиралась что-то заявить, гордо выпрямившись и уперев руки в бока, но при этом не видела лица Варвары – и вынуждена была согнуться, нырнуть под тент, а затем и присесть на свободный стул, дабы не стоять полусогнутой.

А росту в ней было... пусть не два метра, но метр девяносто, это точно. Определённо «модель», бывшая или действующая.

Варвара скептически приподняла бровь, всем своим видом показывая, что в компанию к себе никого не зазывала.

Дамочка с прозрачными рыбьими глазами перегнулась через стол и отчётливо заявила:

– Он! Мой! Муж! И не рассчитывай на него, слышишь, ты?..

Очевидно, что скверные слова так и вертелись у неё на языке, но... неподалёку от кофейного блюда валялся Варин клатч из кожи явно не фальшивой змеи, а из наружного кармашка выразительно поблёскивал уголок золотой карты отеля, красноречиво свидетельствовавшей о высоком статусе владелицы. Дама, видать, была тёртая-перетёртая, и, не зная о противнице деталей, наезжать всерьёз опасалась.

– Кто? – равнодушно спросила Варвара Пална, всем сердцем почувствовав, что никакого недоразумения здесь нет. Красавчик «Робин», так и излучающий сексуальность, наверняка выходец из среды аристократов, причём состоятельных – можно представить, во сколько ему обошлось такое чудо маго-техники, как «Единорог»! – да в его возрасте – и чтоб оказался холост? Редко такое бывает... Ревнивая жена при его активном образе жизни – явление закономерное и не удивительное.

Одно неприятно: влезать в чужую семью. Хоть порой бра-

ки в подобной среде держатся отнюдь не на привязанности, а на деловых связях...

Что ж, послушаем, а там решим, что делать.

– Кристофер! – словно выплюнула дамочка. – И держись от него подальше! Между прочим, слухи о разводе, если ты из-за них на него нацелилась, распущены им же; журналисты всё врут! Никакого развода, потому что я беременна! И уж теперь-то Крис от меня не отделается.

Глава 20

Варя аккуратно поставила чашку на блюдце, борясь с желанием выплеснуть гущу в лицо белоглазой мымре.

Вот эта рыбеглазка – и залетела от блудодея? Он, вроде, не похож на извращенца – спать с мешком костей гремящих...

Кристофер. Она назвала его так.

Крис.

Слухи о разводе... О чём там давеча вроде бы случайно упомянул Эрих Мария? «Мальчик занят разводом, так пусть отвлечётся, займётся делом...» А с чего, собственно, она тогда решила, что «мальчик» – это непременно юноша? Брату короля лет немало, и племянник его по возрасту мог оказаться далеко не младенцем.

И сейчас эта суч... эта стерва бледномольная смеет утверждать, что...

Однако пятилетний стаж пребывания в должности главного бухгалтера, отягощённый победами с налоговиками, сказался на выдержке: на лице Варвары Палны не дрогнул ни один мускул.

– А вы ничего не путаете, дорогуша? – поинтересовалась она изысканно-вежливо. – Мужчина, что был со мной этой ночью – если мы говорим об одном и том же! – показался

мне настолько... простите уж, голодным, не побоюсь этого слова, будто постился по меньшей мере год. Вы уверены, что ваш ребёнок от него?

Могла, могла нежная Варенька при необходимости ткнуть не только крепким кулачком, но и словом.

И когда рыбьеглазка странно дёрнулась, пойдя некрасивыми пятнами, пробивающимися сквозь густой слой тонального крема – поняла с невероятным облегчением, что попала в цель. Хотя и случайно: выстрелив наобум в отчаянной попытке укусить побольнее.

– Пожалуй, последнее и мне интересно, – прозвучал знакомый голос. – Причём до чрезвычайности...

Эрих Мария Ремардини, брат короля, дядя принца Сигизмунда и руководитель службы безопасности, почтительно приподнял шляпу, поздоровавшись лишь с Варварой и как-то показательно проигнорировав побледневшую дамочку. В белоснежном чесучовом костюме, энергичный и благоухающий свежестью, он возник, как светлый ангел-хранитель, не допускающий, чтобы его подопечная хоть ненадолго оставалась с глазу на глаз с раздражённой мегерой. Которая, хоть и спасовала, но втягивать когти не собиралась.

Безопасник присел на свободный стул, небрежно построив на колени светлую трость с серебряным набалдашником, на которую незваная гостья уставилась с явным испугом. Невдомёк было Варе, что об этой трости ходили страшные легенды среди «золотой молодёжи»: будто бы она на до-

просах в службе безопасности развязывает языки даже самым строптивым, и даже высасывает, подобно вампиру, жизненные силы из своих жертв, передавая их хозяину... Впрочем, несусеверная Варвара Пална отмахнулась бы от подобной чепухи. А вот дамочка, похоже, здравомыслием не блистала.

– Рад видеть вас, цензора Варвара, в добром расположении духа. Как тонко вы, однако, сформулировали ваши сомнения... – Он чуть повернул голову: – Эстер, я просил вас не делать глупости?

От резкого звука голоса дамочка вздрогнула.

– Я... вы не смеете! Я всё ещё...

– Смею. Ваши, с позволения сказать, кульбиты в постели с цензором Йореком трижды официально зафиксированы в записи и будут представлены суду в качестве доказательств супружеской измены. Кстати, если не желаете выходить замуж вторично, можете подать на капитана Йорека в тот же суд, и не следующем же заседании доблестного офицера обязуют выплачивать вам содержание до достижения младенцем совершеннолетия. Правда, не позднее, чем установят истинность отцовства.

Лицо рыбьеглазой озарилось злорадной улыбкой:

– Генетическая экспертиза? Вот тут-то вы и проиграете, ваше высочество! Для неё нужно, чтобы ребёнок уже родился: а дела о разводе слушаются не более полугода, я хорошо знаю наши законы! Мне достаточно раструбить на всю сто-

лицу о беременности и не явиться на три заседания – и развода не будет! А душка-герцог станет в глазах света негодяем, выгоняющим из дома жену с долгожданным наследником! Какой позор для королевской семьи!

От Эриха Марии явственно повеяло холодом. Да таким, что кофейное блюдо стремительно покрылось инеем по ободку, а гуща на доньшке Вариной чашки, кажется, заledenела. Дамочка поёжилась, но не сдалась: в глазах её так и застыли ненависть и упёртость.

– Эстер, – сухо произнёс безопасник. – Вы бессовестная лгунья. Очень наглая и самоуверенная лгунья, вот только недалёкая. Порядок судебных процедур вы хорошо изучили, а вот о своём муже за два года так толком ничего и не узнали. Валяйте, выставляйте себя полной дурой, заявив о том, что ждёте ребёнка от злодея-герцога! Знаете, что сделает суд в первую очередь? Что он *обязан* сделать, согласно дополнению к обязательным процедурам, внесённому три месяца назад? Суд с полным основанием отправит вас на экспертизу наличия магической матрицы у будущего ребёнка. И...

Он выдержал паузу. Дамочка побледнела и, раскрыв рот, часто задышала, вновь поразив Варвару сходством с рыбой, на сей раз выброшенной на песок.

– И... – сурово и многозначительно протянул Эрих Мария.

Эстер сглотнула.

– Я... пройду эту экспертизу. Видит Небо, пройду.

Похоже, она растеряла и запал, и уверенность. Судорожно вцепилась в сумочку, рывком вскочила – едва не сбив головой тент – и, пошатываясь на каблуках, удалилась.

Безопасник хмыкнул.

– Теперь понятно, для чего на ней столько амулетов – чтобы фонить остаточной магией. Ничего у неё не выйдет, однако... Вы позволите? – осведомился изысканно, доставая портсигар.

Варвара кивнула, пытаясь заодно справиться с обуревавшими её чувствами. Словесная битва, разыгравшаяся только что, несмотря на краткость по времени, сказала ей о многом. И в первую очередь – что её мужчину... *её мужчину!* собирались, кажется, нагло подставить.

Извечная уловка многих баб, особенно нечистоплотных – поймать мужика на беременность. Чаще всего залетев при этом от другого.

Но, по крайней мере, нормальной семьёй здесь не пахло.

– ...И? – после паузы напомнила о себе Варвара. Её неудержимо тянуло сорваться в крик и вытрясти, наконец, из курящего со вкусом Эриха всё, что он знает; но она держалась. – Что покажет тест на отцовство? Чего она так боится?

Эрих Мария глянул на неё внимательно, пригладил бородку. Страхнул пепел в пепельницу, подставленную взявшимся из ниоткуда официантом.

– В сущности, я рад, что вы с Кристофером так близко познакомились, дорогая Варвара Павловна. Он неплохой маль-

чик, вот только безалаберен не по возрасту, но заслуживает большего, чем сейчас. Вы уже успели узнать о нём немного? Тогда для вас не станет новостью, если я скажу, что у него незаурядные магические способности; уникальные, я бы сказал, поскольку таких магов, как он, считанные единицы, и не только в Иллари, но в нашем мире вообще. А у его последней жены, Эстер, как и у всей её многочисленной родни, ни одного мага даже в бастардах не заваялось. Как и у любовника. Дитя же, зачатое от мага, непременно наследует его дар, который можно определить, когда он ещё во чреве матери. Кстати, жён ему подбирали, исходя из обязательного условия: полное отсутствие магического дара, именно для того, чтобы не случилось прецедентов, подобных сегодняшнему. К тому же...

Он поколебался.

– Впрочем, вы теперь вошли в нашу семью, и, полагаю, вправе знать некоторые вещи, не предназначенные для обнародования. Дело в том, что Кристофер... как бы вам сказать... скорее всего, бесплоден. Все его женитьбы – лишь попытка исполнить долг перед родом; последняя попытка, боюсь.

Под его изучающим взглядом Варе стало грустно.

Отчасти потому, что сама знала, каково это – быть пустоцветом. Просто неслыханно повезло, что в её жизни появилась Светка, которую она, собственно, первый раз увидела ещё у роддома – Галка-то была безмужняя, так уж получи-

лось, а должен же кто-то встретить мать с новорожденной! Отнятое бедой материнство она добрала, взясь с приёмной дочерью. А вот за Кристофера стало обидно. Зря думают, что мужчины непрошибаемы и им-де всё равно, есть дети или нет: очень даже не всё равно. Оттого иной раз они и женятся на одиночках с детьми, или усыновляют из детдома...

Теперь ей стала понятна его неутоляемая страсть, его жажда ласки, любви. Его одиночество. И обречённость.

Господи, сложно-то как! Она потёрла лицо ладонями и тут только поняла, что Эрих Мария о чём-то спросил и теперь смотрит на неё обеспокоенно.

– Простите, Эрих. Простите, я задумалась...

– Я заметил. Скажите, Варвара, мой племянник не безнадёжен? Каким он вам показался?

И вот тут Варвара прозрела.

– Ах вы... старый сводник! – выдала она с укоризной, едва сдерживая смех, несмотря на серьёзность момента, и если и негодуя, то лишь самую капельку. – Вы что же, нарочно нас свели?

Тот лишь хитро прищурился.

– Ну, не такой уж и старый...

– Ага, а сводничества, значит, не отрицаете?

– Признаюсь. Грешен. И не раскаиваюсь. Разве вам было плохо вместе?

Фыркнув и покраснев, словно девочка, Варвара отвернулась. На Эриха Марию невозможно было долго сердиться.

– Наверное, это лучшее, что случилось со мной в жизни, – призналась она, наконец. – Но только что теперь с этим делать – ума не приложу.

– Сложно, – кивнул брат короля. – К тому же, у каждого из вас сейчас нелёгкие моменты. У него – развод, с которым Эстер попортит ему немало крови; у вас – адаптация дочери в новой среде, отложенная, правда, на месяц, но неизбежная. Основную трудность здесь я вижу в притирке с Элианор, памятуя, как нелегко прижилась у нас во дворце Стелла, её первая невестка. А ведь она королевской крови, но ведь тоже казалась нехороша, но теперь королева иногда даже прислушивается к её мнению... Так что – дело это не безнадёжное, но долгое, и требующее терпения. Нервов и недюжинных способностей к дипломатии. А у вас эти качества имеются. Скажу откровенно, не будь я женат...

Он вновь сощурился.

В таких случаях на балах дамы шутливо шлёпают мужчину по пальцам веером, чтобы, дескать, не заговаривался, а то чересчур прозрачны его намёки. Варвара же строго погрозила пальцем:

– Но-но! Нет уж, господин ловелас, теперь я знаю, чего от вас ожидать, и на вашу удочку не попадусь. Но раз уж вы ко мне и впрямь равнодушны...

– Говорите, прелестнейшая. Я же вижу, вы не решаетесь о чём-то спросить.

Варя потёрла ладонями щёки...

– Расскажите о нём.

Она уже забыла о благопристойных планах поставить крест на «курортном романе», как успела назвать своё ночное приключение; о том, что совсем недавно панически испугалась возможных сердечных переживаний, а тем паче – астрономических счетов от кредитора-Судьбы. Её безудержно тянуло к мужчине, который не просто занимался с ней сексом – он любил её, он её боготворил! Какая женщина этого не почувствует и не потянется всем сердцем?

Но так всё непросто...

Она глотнула свежего горячего кофе, каким-то образом оказавшегося в новой чашке. Здесь вообще всё делалось, словно по мановению волшебной палочки: вот и сейчас, словно сама собой, материализовалась вазочка с душистыми ванильными сухариками, рядом терпеливо поджидал молочник с горячими сливками, посверкивал гранями пилёный сахар в серебряной сахарнице... Но ничего этого пока не хотелось.

Племянник брата короля. По какой линии? Возможно, родственник и самого Эдварда, тоже Ремардини? И наверняка какой-нибудь герцог или виконт... Ах, да, герцог. Его светлость, значит... И она, главбухша из провинции. Мезальянс, как ни крути.

Варя облокотилась о стол, подперев подбородок рукой. Пробормотала в ответ на собственные мысли:

– А всё-таки хорошо, что я не знала, кто он такой на самом

деле...

Брови Эриха Марии заинтересованно взлетели вверх.

– Ну-ка, ну-ка... – Он с интересом придвинул свой стул ближе. – Рассказывайте!

Глава 21

Узнав об обстоятельствах их знакомства и об импровизации с именами, Эрих Мария хохотал от души. А потом заявил, что теперь-то он всё понял. Вот так и бывает, когда важное дело перепоручаешь секретарю, пусть даже такому исполнительному, как Робин. Ведь это не человек, а ходячий кладёзь несчастий! Не далее чем вчера он опять умудрился вляпаться в историю, да с таким интересным продолжением! Встретив девушку своей мечты, парень позабыл обо всём на свете – и пустился во все тяжкие, свято уверенный, что делает это по благословению самого шефа. И за его счёт, кстати... (Тут его накрыл новый приступ смеха).

– Да, на редкость забавно получилось, – подытожил он. – И как это у вас вышло, Варвара Павловна, что вы удивительно попали в тон последнему поветрию среди наших дам – называться при случайном знакомстве вымышленным именем?

– Да ведь и Крис...

Варя запнулась, покатав на языке, как глоток вина, новое имя, вкусное, как ягода в мороженом.

Да. Оно шло ему куда больше, чем...

– Однако он при этом ни слова не солгал, заметьте, – весело заявил безопасник. – Его второе имя и в самом деле

Робин. Кристофер Робин Ремардини, пятый герцог Авиларский... Я что-то не то говорю?

Он озадаченно приподнял брови, потому что Варя вдруг прыснула, а потом, не выдержав, засмеялась в голос.

Кристофер Робин!

Она представила себя медвежонком в красном шарфике и красной курточке, без штанишек, но в тёплых валенках, как он живенько косолапит вслед за долговязым бородатым мальчиком и, не поспевая, зовёт с таким английским акцентом: «Кг'и-истофе г' Г'о-обин!»

– Да что за имена у вас... такие интересные!

– А если я спрошу, кто такая Хильда? – живо поинтересовался Эрих.

– А я вам отвечу. Прелестный нарисованный персонаж пин-апных плакатов. Будете у нас – непременно покажу на ноутбуке. Здесь ведь не ловит интернет?

– Над чем-то похожим наши техномаги работают, уверен, что года через два мы получим хороший результат, но не раньше. Так что с вашим прототипом придётся мне ознакомиться как-нибудь позже. Однако вот о чём хотел я спросить, драгоценная Варвара Павловна, раз уж мы закончили с лирической частью...

Он отмахнулся от официанта, предлагающего лимонад, и кивнул в сторону дамы. дождался, пока та пригубит из высокого запотевшего бокала.

– Я ведь не случайно интересовался, каков мой племян-

ник. Святые Небеса, как же ему не везёт с женщинами! Начиная с самой первой, Дианы, которую он потерял двадцать лет назад...

Он задумался.

Варя притихла.

Что же, Крис, выходит... вдовец?

Отчего-то рыбьеглазку она в упор не видела его женой. Как, впрочем, и каких-то мифических «остальных», о которых вскользь недавно упомянул Эрих.

– Хорошая была девочка, – с неожиданной грустью сказал он. – Из эмигрантов, можно сказать, из другого мира... Мы тогда только научились строить межмирные порталы, но не догадались принять элементарные карантинные меры. Это сейчас мы выработали карантинные правила и универсальную вакцину, а тогда – еле перехватили две крупных эпидемии, грозящих перерасти в пандемию. И, разумеется, нашлись учёные умники, ведомые умниками-военными, что сохранили штаммы вирусов. Которые через несколько лет сами же благополучно упустили из лабораторий...

Диана была одной из лучших выпускниц медицинской академии. Её, как будущее светило науки, да и как члена королевской семьи – к тому времени она уже стала счастливой герцогиней Ремардини – ожидало блестящее будущее в новейшем научно-медицинском центре столицы. Но когда в некоем провинциальном городишке людей стала сотнями выкашивать синяя оспа – она каким-то чудом умудрилась

побраться в группу, направленную на ликвидацию эпидемии. Добровольцем, по студенческому билету, где значилась ещё под девичьей фамилией, и приложила справку о наличии антител в крови – она переболела оспой в детстве. Считается, что эта болезнь даёт стойкий иммунитет. Но Диана не учла, что после экспериментов вирус может мутировать.

– Заболела? Подставилась? – охнула Варвара.

– Да.

Эрих помолчал.

– Разумеется, Кристофер нашёл её, прорвавшись через все санитарные заграждения. Только слишком поздно. Он похоронил её там же – все тела непременно кремировались на месте, а сам угодил в госпиталь на следующий день. И лишь на годовщину её смерти признался, что она погибла, будучи на втором месяце. Может, и сама не знала, иначе побереглась бы. Но маг всегда почувствует своего ребёнка, помните, я вам говорил об их особенностях? Вот и он... почувствовал. А вскоре, после очередного медицинского обследования, обязательного для всех членов королевского семейства, врачи признали его бесплодным. Тогда многим, даже легко переболевшим, достался именно этот довесок от вируса на всю оставшуюся жизнь. Так-то, Варвара Павловна.

– А что же... остальные женщины? Зачем он потом женился? Вы говорили, что у него было несколько жён?

– Вы же взрослая женщина, и понимаете, увы, что порой в браке, особенно в политическом, от мужчины требуется

быть всего лишь... производителем. У Кристофера уникальный набор генов, из-за которых он...

– Какой-то там исключительный маг, я помню.

Варя отмахнулась

– Можете не продолжать.

Закручившись, по-бабьи подперла щеку ладонью.

– Господи, и как при такой жизни он смог... Сколько, говорите, было у него таких... заказных жён? Три? Это вместе с той сушёной селёдкой, что пыталась на меня наехать? Как же он при такой сволочной жизни с навязанными бабами сумел остаться таким... искромётным, таким лучащимся весельем... Удивительно. В первые минуты так и думаешь, что перед тобой великовозрастный балбес, а потом глядишь – нет, битый жизнью; битый, просто неподдающийся.

– Как вы это верно подметили, – кивнул Эрих Мария. – Неподдающийся балбес. Именно это сочетание меня в нём всегда умиляло. Однако не отпугнул ли я вас своими рассказами об этом чуде природы? Что вы думаете о возможном развитии ваших отношений? Вы уж простите, что спрашиваю так вот, напрямик, но все мы тут люди зрелые, и то, над чем в юности ломали головы годами, нынче решаем порой походя или за полчаса. Судьба моего племянника мне небезразлична.

...А дальше слово за слово – и Варвара слышала полусмешной-полупечальный рассказ об условии непереносимых трёх женитьб королевского племянника, о его неудачных по-

пытках получить наследника. Судя по всему, не так уж рьяно его светлость и старался, хоть поговаривали (тут безопасник пожал плечами) о некоторых интрижках на стороне, но были ли то пустые слухи или на самом деле что-то существенное – толком никто сказать не мог. Пофлиртовать, особенно с хорошенькими и пышными девушками – а об этой его слабости в свете давно знали и беззлобно посмеивались – это он любил, и никогда не упускал случая; но вот быть застигнутым на горячем, или пойманным в чужой постели – этого не могли отследить даже самые беззастенчивые и беспринципные журналисты.

– И то хорошо, – вздохнула Варя. – Даже если и было что – свою честь блюдёт, и честь дамы, кстати; а меньше знаешь – крепче спишь... Вот что я вам скажу, дорогой мой родственник...

Прищурившись, глянула, как играет солнце в переливающихся неподалёку ленивых морских волнах.

– Что будет, то и будет. Форсировать события не хочу, прятаться от судьбы – тоже, и то, и другое глупо. Я говорила, что у меня на всё – про всё в вашем мире три дня? Так вот: осталось два, и ничего не поменялось. Погощу немного, с вашей страшной Элианор познакомлюсь...

В притворном ужасе Эрих Мария возвёл глаза к небу.

– Драгоценная моя, только не проговоритесь, что это я о ней всего наболтал!

– Да и говорить не надо, кто ж в вашем королевстве боль-

ше всех обо всех знает? Конечно, вы... Так вот, нагряну сюда через месяц, как раз к Светочкиному возвращению. Тогда и посмотрим, потянет нас на старое, или мы просто поулыбаемся при встрече и вспомним о приятном. Такое тоже бывает.

– Месяц? – выразительно глянул безопасник. – Выдержите?

– Так мы не девочка с мальчиком, чтобы от гормонов на стенку лезть. Большие уже. Чувства, говорят, как и вино: если качественные, то время им только на пользу... Не морочьте себе голову, Эрих. Что будет, то и будет.

Он достал из кармана коробочку в синем бархатном футляре. Водрузил на стол.

– Это вам. Взгляните. И учитывайте: как говорят во многих ваших фильмах, это не то, о чём вы думаете.

– Да? – Варя скептически глянула на вроде бы подарок. – Не то?

Однако предложение руки и сердца исключалось, ибо Эрих Мария недавно сам признался, что женат; а подарок вроде бы и ни к чему...

Из атласных недр на неё весело глянул глазок изумруда в тяжёлой золотой оправе. Кольцо, старинное, неширокое, но из-за нанесённой узорчатой вставки кажущееся массивным.

Сердце Варвары дрогнуло.

Изумруд...

– Индивидуальный портал, – как нечто, само собой разу-

меющееся, сказал безопасник. – Если просто покрасоваться – носите на любом пальце, кроме правого мизинца. Захотите вернуться...

«Кольцо при тебе, Настенька. Надень его на правый мизинец – и окажешься дома.

... Но только смотри, коли не воротишься – я умру от тоски...»⁵

Сердце Варвары сжалось.

Не слишком ли она эгоистична, решая всё за них с Крисом обоих? А вдруг ему без неё будет... нелегко?

– Но имейте в виду, – добавил Эрих Мария. – Кольцо настроено на тот самый вокзал, на который мы сюда прибыли. Там, в порталном зале, есть ряд персональных переходов. Не волнуйтесь, одна вы там не останетесь: на пульте дежурного высветится оповещение о прибытии, он вас встретит и доставит, куда прикажете.

– Спасибо, Эрих, – выдохнула Варя.

Кольцо приятно обжало палец и вновь подмигнуло, как живое.

И, несмотря на всё ещё царапавшие воспоминания о встрече с рыбеглазкой, Варя улыбнулась.

Кристофер Ро-обин! Где ты там? Помни... как там в книге-то?

«...Если нам когда-нибудь придётся расстаться, сохрани

⁵ Аксаков, «Аленький цветочек»

меня в своём сердце, и я останусь с тобой навсегда".⁶

⁶ А.А.Милн, «Винни-Пух»

Глава 22

Перед тем, как опустить «Единорога» на площадку перед домашним ангаром, пятый герцог Авиларский заложил в небе такой лихой вираж, что немолодой дворецкий украдкой перекрестился, наблюдая за столь опасным ребячеством. Это хозяин ещё не знает, что герцогиня ещё не съехала, проигнорировав его распоряжение, вот и развлекается... Но, кажется, хвала Небесам, он возвращается в добром расположении духа. Авось не сильно разгневается.

По давнишней традиции он подхватил с собой поднос с визитками. Хотя нынче всё чаще господа, даже аристократы, норовили отделаться электронными карточками и письмами, надиктованными на переговорники, новые веянья прижились в основном среди молодёжи, а вот люди старой закалки, равно как владельцы солидных бизнесов, предпочитали наносить визиты или сговариваться о них лично. Это считалось хорошим тоном – и отличительной чертой представителей «своего круга», приближенного к верхам.

– А, Матеуш!..

От удивления дворецкий едва не уронил поднос, который с величайшей предосторожностью доставил к ангару, защищая от ветра – не привык, что, по последней моде, визитки были намагичены на прилипание. Поразил дворецкого

внешний вид хозяина, который давно уже, с той поры, как был мальчиком, не позволял себе разгуливать... босиком; а если к этой вольности прибавить многодневную небритость и рубашку с одной-единственной пуговицей, да и то болтавшейся на нитке – выходило вообще чёрт знает что. Слуге старой закалки, привыкшему, что господин, несмотря на безалаберность и лёгкость характера, на людях всегда является в приличном виде, большого труда стоило сдержаться при виде нескольких выразительных параллельных царапин на герцогской груди и двух подозрительных пятен на шее, ближе к ключицам.

Это где же его светлость так нарасслаблялся?

Кристофер, словно не замечая шокового состояния дворецкого, перебрал карточки, выудил одну...

– Так, Альфреда Мазарини жду срочно, в любое время дня и ночи. Остальным передать, что я сегодня не принимаю. Робин на месте? Ценьора Эстер съехала?

– Ценьора – пока нет, – решил сообщить дворецкий, решив, что дурную весть всё равно придётся сообщить, так уж лучше сейчас, пока герцог в благодушном настроении. И тенью последовал за хозяином, бодро шагавшим к особняку.

– Как – нет? – Герцог даже остановился. Дёрнул, окончательно оторвав, пуговицу, повертел в пальцах. Машинально швырнул на поднос. – А почему?

– Говорит – у неё веские причины остаться. – Матеуш понизил голос: – Якобы беременна, – пробормотал заговорщи-

чески. И добавил: – Якобы проговорила своей маменьке по переговорнику, громко так, на всё крыло.

– Вот ещё вздор, – фыркнул Кристофер. – Впрочем, отчего вздор? При трёх любовниках, да при том, что у каждого штук несколько законных детей и столько же на стороне – как раз неудивительно... Что, Мишлен на месте? Я жутко голоден; от этих полётов нагуливаешь аппетит не хуже, чем в бассейне.

– Обед через полчаса, ваша светлость. Вот и мы все говорим, что всё-таки вздор: последний раз вы заходили на половину цензоры вчера, а до этого появлялись там полгода назад, а она в переговорник распиналась: «Полтора месяца, полтора месяца...» Кстати, напомню, что полтора месяца назад ваша светлость как раз отдыхал на Коре.

– И почему я не удивлён? – Кристофер недовольно дёрнул плечами. Поморщившись, машинально потёр царапины на груди – и вдруг уставился на них с непередаваемым глупо-счастливым выражением лица. – Барлоговы веники, ничего себе... Да не позволю я испортить мне день после вчерашнего! Опись всех её вещей сделали?

– Точно так, ваша светлость!

– В том числе драгоценностей, мехов, ценных бумаг? Мобиль не забыли?

– Разумеется, ваша светлость. Всё описано, сфотографировано, заверено господином нотариусом в присутствии независимых свидетелей.

– Дарственная на квартиру в Авиларе?..

– Готова.

– Сама...э-э... цензора присутствует?

– Отбыла – должно быть, делиться новостями и искать адвоката.

– Ну, это теперь её трудности. Против Мазарини никто не потянет. Значит, так...

Он легко взбежал по тридцати ступеням парадного крыльца, замедлил шаг, позволяя запыхавшемуся дворецкому подладиться под его ход.

– На чём, кстати, она отбыла? На *своём* мобиле? Том самом, что в описи?

– Точно так.

– Одной заботой меньше. Вот пусть на нём и разъезжает, за свой счёт, кстати. На первое время на бензин я ей оставил, остальные счета вчера заблокировал, нечего наставлять мне рога и кормить в ресторанах любовников за мои же деньги. Значит, так, дружище...

Он шёл по наружной галерее, словно впервые любясь кладкой старых стен и благородной мраморной облицовкой, стройными колоннами, поддерживающими воздушные арки, пальмами и цветами в кадках... И думал, что Настоящей Женщине здесь понравится.

– Пакуйте все её вещи, обозначенные в описи, – продолжил, спохватившись, – и вывозите, к Барлоговой бабушке, в дарёную квартиру. Для ценностей там есть сейф, просле-

ди сам, чтобы всё было как надо, ну и... ключи и код лично передашь. Весь процесс снимайте: от упаковки до выгрузки последней бусины, чтобы ни к чему потом не было придраться. Пусть забирает моё добро и давится, сколько угодно, ей до конца жизни хватит, если только на Йорека всё не спустит... Да, после того, как она письменно подтвердит, что всё, ей принадлежавшее, получено, лично удали все допуски на территорию, чтобы не только в этом доме, но и в поместье ноги её не было.

Он задумался.

– И вот что... Прислугу, что при ней крутилась – всю вон. Мне шпионы тут не нужны.

– Осмелюсь заметить...

– Ну?

– Есть среди них две совершенно случайных девушки, я их сам нанимал и за них ручаюсь.

– Против этих не возражаю. Остальных – вон. И вообще... – Герцог замедлил шаг. – Что-то надо сделать с тем крылом, а то, как ни гляну – вспоминаю, что по нему чужие бабы шастали... Ремонт, что ли, затеять? Подумай, дружище, может, какая умная мысль в голову придёт.

Ему-то самому в голову стукнуло совершенно чёткое озарение. Он представил, как однажды – возможно, совсем скоро – привезёт сюда Настоящую Женщину, показать родовое гнездо герцогов Авиларских. Представил – и ужаснулся от мысли, что его прекрасная «Хильда» совершенно случайно

столкнётся с Эстер. Та хоть почти уже и не жена, но приятно-го от подобной встречи мало. Да и вообще, ему казалось, что сами стены «бабского» крыла, вобравшие в себя пары удушьящего парфюма, перенасыщенного афродизиаками, визги и зудения нелюбимых жён и их окружений осквернят его возлюбленную самими напоминаниями о прошлом.

Вот как. Он уже строит планы на будущее. Браво, Крис, кажется, тебя порядком зацепило...

Однако не стоит загадывать слишком далеко. Наипервейшая задача – узнать, наконец, кто она такая. Не просто же так он ляпнул ей про сегодняшний вечер!

– Робин на месте? – спросил он, добравшись, наконец, до спальни и направляясь в гардеробную. – Позови, пусть со мной пообедает.

Да так и замер от виноватого ответа:

– Не на месте, ваша светлость...

– Это что ещё такое? – всерьёз поразился Кристофер.

За два с лишним года безупречной службы секретарь никогда не позволял себе вольности опоздать хотя бы на полминуты, а если уж с ним что случалось – из кожи лез вон, чтобы предупредить шефа о своём вынужденном отсутствии. Неужели стряслось нечто, совсем уж из ряда вон выходящее?

Ох, как бы чего не вышло, если вспомнить, с кем он вчера сам напросился провести вечер...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

